

Международное высшее образование

ВЫПУСК

101

Весна

2020

Студенческие и общественные
волнения в глобальной
перспективе

Тенденции
транснационального
образования

Анализ
мобильности

Признание
документов о высшем
образовании

Справедливость
и бесплатное высшее
образование

Русскоязычная версия информационного бюллетеня
International Higher Education (Бостонский колледж, США)

CINE

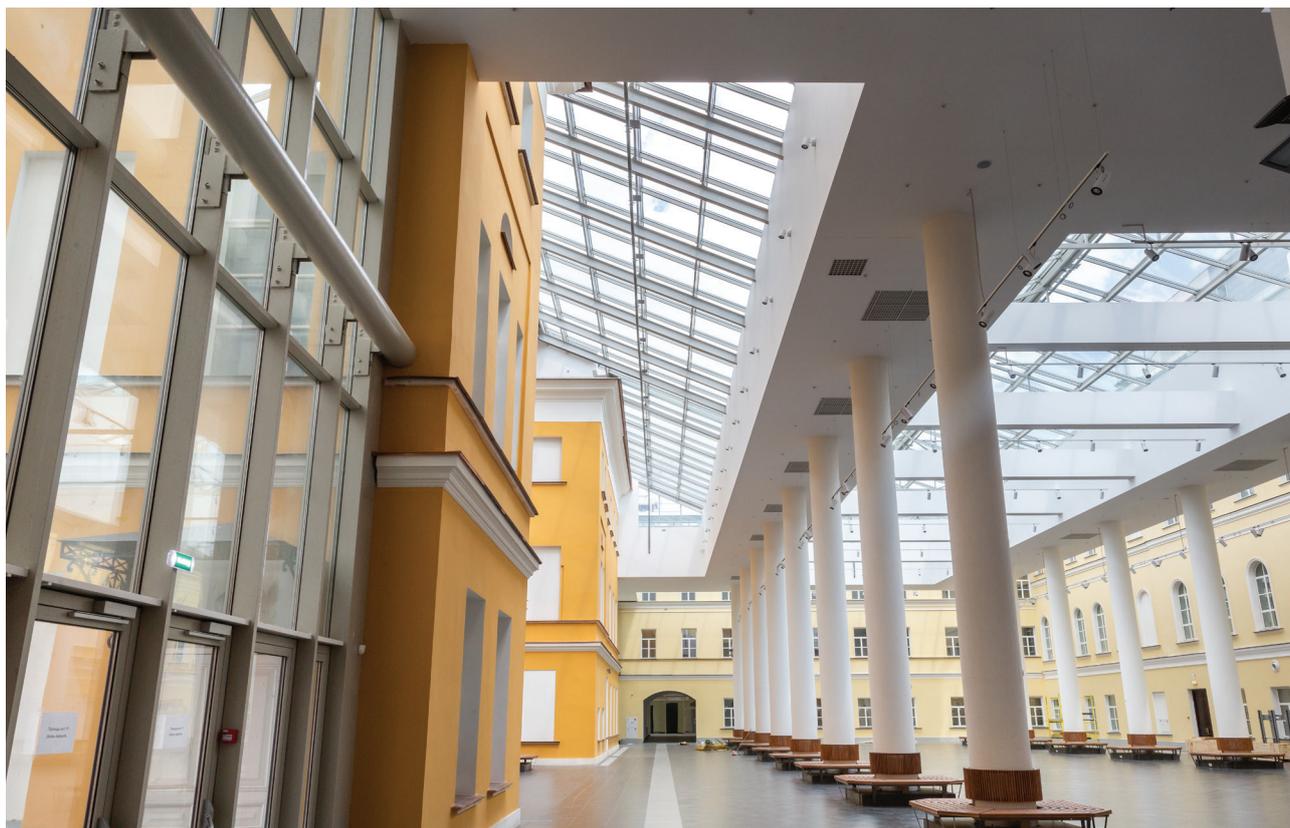
Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. Руководит центром профессор Ханс де Вит, известный специалист и исследователь международного уровня в области интернационализации высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор

и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе Высшей школы экономики функционируют 68 исследовательских центров и 39 международных лабораторий, которые занимаются реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№101 / Весна 2020

Студенческие и общественные волнения в глобальной перспективе

- 6 Очередная студенческая революция?
Филип Дж. Альтбах и Тьерри М. Люшер
- 7 Массовые волнения в Чили: не студенческое движение
Андрес Бернаскони и Пит Лихи
- 9 Молодежные протесты в Ливане: «Все — значит все»
Аднан Эль-Амин
- 10 Почему индийские студенты так разбушевались?
Автор — эксперт в сфере высшего образования из Нью-Дели (Индия)
- 12 Университеты в период кризиса и в восстановительный период: случай Гонконга
Джерард А. Постильоне
- 14 Роль университетского сообщества в политическом движении за независимость Каталонии
Жозеп М. Дуарт, Альберт Санчес-Желаберт и Жозеп М. Вилальта

Тенденции транснационального образования

- 16 Переосмысливая международные филиалы вузов
Филип Дж. Альтбах и Ханс де Вит
- 18 Маргиналистская революция: влияние транснационального образования на высшее образование в Китае
Сяоцзюнь Дин

- 20** Международные филиалы вузов: новая платоновская Академия
Лань Хэ и Стивен Уилкинс
- 22** Научная продуктивность международных филиалов вузов
Джейсон Э. Лейн и Ханс Поль

Анализ мобильности

- 24** «Китайская перезагрузка» и привлечение в США международных студентов
Рахул Чоудаха
- 26** Рекрутинг международных студентов в «посткитайском» мире
Анна Эсаки-Смит
- 27** Опасения китайцев по поводу учебы в США
Сяофэн Вань

Признание документов о высшем образовании

- 29** Глобальная конвенция ЮНЕСКО о признании свидетельств, относящихся к высшему образованию
Стаменка Увалич-Трумбич
- 31** Оценка и подтверждение документов беженцев
Беатрис Коленберг и Брайс Лу

Справедливость и бесплатное высшее образование

- 33** Оценивая эффект мер по снижению неравенства
Джамиль Салми
- 35** Обаяние бесплатного высшего образования
Джон Обри Дуглас

Очередная студенческая революция?

Филип Дж. Альтбах и Тьерри М. Люшер

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор Центра по изучению международного высшего образования, Бостонский колледж (США).

E-mail: altbach@bc.edu.

Тьерри Люшер — заместитель директора по исследованию послешкольного образования Исследовательского совета по гуманитарным наукам и доцент Университета Фри-Стейта (Блумфонтейн, ЮАР).

E-mail: thierryluescher@hotmail.com.

В последние несколько месяцев общественные волнения можно было наблюдать в десятках стран и регионов. Среди них — Алжир, Боливия, Великобритания, Гвинея, Гондурас, Гонконг, Ирак, Казахстан, Каталония, Ливан, Франция, Чили, Эквадор, Гаити. Во многих случаях эти волнения привели к глубокой встряске существующей системы, причем их результаты остаются неясными. И хотя причины этих событий, равно как и ключевые участники, различны, можно выделить и некоторые общие элементы. Во всех событиях участвовали студенты, а в некоторых случаях они даже сыграли ключевую роль.

Непосредственные и подспудные причины

Непосредственные причины и поводы недавних беспорядков в большинстве стран не связаны напрямую с такими проблемами высшего образования, как стоимость обучения и проблемы кампусов. Единственное исключение — Чили, где население уже давно требует от властей выполнить взятые на себя обязательства по обеспечению бесплатного высшего образования, что накладывается на другие общественные проблемы. С другой стороны, чилийский случай можно назвать вполне типичным. Толчком к протестам последнего времени послужило повышение цен на проезд в метро, и зачинщиками акций стали школьники и студенты. Но протест быстро охватил широкие массы и уже не ограничивался ценами на проезд, а стал отражением общего недовольства социальным неравенством в стране (Чили — одна из стран с самым высоким уровнем неравенства в Латинской Америке), в результате чего 25 октября 2019 года на улицы Сантьяго вышло более миллиона протестующих.

В большинстве случаев первоначальным поводом к протестам становилась какая-то конкретная проблема, к которой вскоре добавлялись и другие. Непре-

кращающиеся протесты в Гонконге, где в какой-то момент на улицы тоже вышло более миллиона человек (одна пятая населения), начались как реакция на законопроект об экстрадиции в материковый Китай. Но вскоре начали звучать требования об обеспечении демократии и сохранении уникальной гонконгской идентичности, а также выражалось недовольство высокой стоимостью жилья и социальным неравенством в целом. В Ираке протесты начались в студенческой среде, но вскоре к ним присоединились широкие слои общества, а демонстрации охватили крупнейшие города страны. Поводом для протестов стали коррупция и нехватка базового социального обеспечения, но вскоре на повестке дня оказались недовольство вмешательством Ирана во внутренние дела страны и другие проблемы.

Объединяет практически все эти протестные движения глубоко укоренившееся в обществе недовольство социальным неравенством, усугубляющееся социальное расслоение и ощущение, что большие группы населения оказались на обочине вследствие политики неолиберализма и из-за бесчувственности политических элит. В этом смысле последняя волна общественных волнений имеет много общего с факторами, приведшими к избранию Дональда Трампа президентом США и Брекзиту Соединенного Королевства.

Объединяет практически все эти протестные движения глубоко укоренившееся в обществе недовольство социальным неравенством.

Можно также вспомнить о протестах, охвативших Северную Африку и Ближний Восток в начале 2010-х и вылившихся в итоге в «арабскую весну». Первоначально основной движущей силой протестов стала молодежь, безработные выпускники вузов и студенты. Они тоже выражали свое недовольство сложившимся политическим строем, нередко репрессивным. Усиление социального неравенства и глубокий пессимизм относительно перспектив трудоустройства после выпуска стали благодатной почвой для активизма.

Факторы XXI века

Сегодняшние протестные движения обладают рядом важных характеристик. У них зачастую нет лидеров, поэтому властям сложно вести переговоры с протестующими, да и самим протестующим оказывается сложно представить внятный набор требований или программу. Их спонтанность обуславливает их

энергичную динамику и непредсказуемость. В большинстве случаев протесты начинались очень мирно (хотя небольшие группы нередко прибегают к насилию по ходу массовых демонстраций), но в некоторых странах переросли в настоящие уличные бои, причем к эскалации и продолжению протестов приводил полицейский произвол.

И конечно же, ключевым инструментом информирования, мобилизации и объединения стали социальные сети, имеющие особое значение для молодежи и студентов. Многие известные студенческие движения последнего десятилетия сопровождалась массовыми онлайн-кампаниями. Хештег #FeesMustFall («Взносы должны пасть»), запущенный в ЮАР в 2015 году, оказался таким броским, что его подхватили участники студенческих движений в Индии и Уганде в октябре и ноябре 2019 года соответственно, которые выступали с такими же требованиями, как и южноафриканские студенты. Для правительств многих стран соцсети, играющие мощную роль в распространении протестных движений, остаются силой, которую те пытаются укротить, для чего они замедляют интернет или блокируют соцсети.

Роль студентов

Именно студенты стали главными инициаторами ряда протестных движений последнего времени. В качестве примера можно привести Гонконг и Ирак. В других странах, например в случае с французскими «желтыми жилетами», студенты никак не участвовали в зарождении движения и не играли роли в его развитии. Впрочем, участие студентов в протестах вовсе не означает, что темы, связанные с образованием, занимают центральное место в повестке, даже если студенты составляют ядро протеста. Можно уверенно утверждать, что сейчас, в отличие от активистских движений 1960-х, студенты не стали ведущими игроками всех протестных движений, но при этом они поддерживали большинство из них, а в некоторых лидировали.

Спустя десятилетие после мирового экономического кризиса по миру прокатились студенческие протесты. Хотя 2019 год можно в целом назвать годом международных уличных протестов, именно студенты начали выводить протест на улицы еще несколькими годами раньше, чтобы выразить свое возмущение политикой жесткой экономии и общественным неравенством. Триггером в разных странах служила стремительная приватизация высшего образования в условиях режима строгой экономии. За последнее десятилетие массовые студенческие протесты, связанные с высокой стоимостью обучения, проходили в Бангладеш, Великобритании, Германии, Индии, Италии, канадском Квебеке, Малайзии, Чили, Уганде, Южной Корее, ЮАР и в других странах. Еще одним новым фактором, который, возможно, станет предвестником каких-то новых тенденций, стало участие в протестных движениях и школьников. В некоторых странах и регионах,

например в Чили и Гонконге, ученики старших школ участвуют в политических протестах, но гораздо важнее тот факт, что школьники всего мира оказались вовлечены в набирающий популярность экологический активизм.

События, которые мы наблюдали на протяжении 2019 года, вряд ли можно сравнивать со студенческой революцией 1968 года. Скорее стоит говорить о молодежной революции/эволюции. Впрочем, нельзя отрицать несомненно важную роль студентов как отдельной группы в развитии современных общественных движений, по крайней мере в том, что касается их призывов к социальной справедливости, которые стали своего рода прелюдией к сегодняшней волне активизма.

Массовые волнения в Чили: не студенческое движение

Андрес Бернасconi и Пит Лихи

*Андрес Бернасconi — профессор,
Пит Лихи — исследователь факультета
образовательных наук Папского католического
университета Чили.
E-mail: abernasconi@uc.cl, peodair@gmail.com.*

В 2019 году массовые протесты парализовали города и страны по всему миру. Обычно спокойное Чили — лидер Латинской Америки по экономическому развитию на протяжении трех последних десятилетий — сотрясилось от протестов и уличных бесчинств. 10 октября 2019 года скоординированному нападению подверглось одновременно 118 станций метро в столице страны Сантьяго. 25 станций сгорело, семь из них оказались полностью разрушены. Массовость и точная локализация нападений наводит на мысли о том, что за этим стоит единый идейный вдохновитель, но пока подобного человека или организации не найдено.

Вслед за этими событиями для выражения ярости и отчаяния протестующие стали выходить на массовые демонстрации и шествия по всей стране. Причем на этот раз протесты возглавили не подающие надежды молодые политики из университетской среды, а банды со спрятанными под масками лицами. В течение более чем трех месяцев агрессивные маргиналы с непонятной политической повесткой громили торговые центры, небольшие предприятия, супермаркеты и церкви. Отряды особого назначения оказались не в состоянии справиться с погромщиками, полиция была не в силах остановить мародерство. Президент Себастьян

Пиньера, придерживающийся правоцентристских взглядов, еще в самом начале кризиса объявил в стране чрезвычайное положение, дав военным возможность восстановить общественный порядок и спокойствие, но через семь дней военные были отозваны. На фоне десятков подтвержденных случаев грубых нарушений прав человека со стороны полицейских и военных на пике кризиса в октябре-ноябре, что вызвало массу критики на местном и международном уровне, Пиньера стал сомневаться в целесообразности привлечения армии.

Новый повод для ярости

События завязались, когда из-за объявленного повышения полного тарифа на проезд в метро (до суммы, эквивалентной 40 американским центам) школьники стали массово прыгать через турникеты. Примечательно, что традиционные организованные студенческие политические движения в этих акциях не участвовали.

Это необычно, учитывая, что две предыдущие волны массовых демонстраций были инициированы и возглавлялись именно представителями студенческих организаций. В 2006 году школьники на несколько месяцев приостановили работу средних школ в стране, протестуя против низкого качества образования в государственных школах и против растущей приватизации и коммерциализации системы образования. В 2011 году пришел черед студентов, которые протестовали, помимо прочего, против увеличения долгов за обучение.

Сейчас ситуация иная. Масштаб и неистовство последних протестов стали полной неожиданностью, и наблюдателей дезориентирует отсутствие ясного мотива, объединяющего протестующих. Политологи и социологи выдвинули три гипотезы. Десятилетия стабильно высокого экономического роста завершились, экономика забуксовала, а надежды на социальные лифты в условиях неолиберализма не оправдываются. Нижние слои среднего класса, составляющие значительную долю населения, чувствуют себя оторванными от остальной страны. Одновременно усиление неравенства доходов и, соответственно, неравенства возможностей ощущается в отношении всего спектра социальных прав — от образования и здравоохранения до пенсионного обеспечения. Достаток, которым может похвастаться лишь незначительное меньшинство, воспринимается остальным населением как плевков в лицо. Наконец, в стране наблюдается непреодолимый разрыв между поколениями. Тем, кто жил при режиме Пиночета и боролся с ним, уже за пятьдесят, и они высоко ценят восстановленную за 30 лет демократию, несмотря на все ее пороки и недостатки. А поколение, выросшее уже в демократическом и умеренно богатом государстве, не готово больше не глядя принимать сложившийся общественный договор и критикует его предпосылки. Это поколение хочет начать с чистого листа и воплотить в жизнь собственное видение.

Пострадавшие от поджогов университеты ошарашены не меньше остальных.

В недовольстве тем, что в стране по-прежнему действует принятая еще Пиночетом в 1980 году (и многократно измененная с тех пор) конституция, ориентированная на поддержку бизнеса, нет ничего нового, но именно сейчас чилийцы осознали, что нужно не просто возмущаться, а как можно скорее разработать конкретную и конструктивную альтернативу.

Университеты подвергаются сомнению

Пострадавшие от поджогов университеты ошарашены не меньше остальных. Исторически студенческие политические организации и академическое сообщество всегда находились в Латинской Америке в авангарде борьбы за социальные изменения. Учиться в университете и иметь возможность рассуждать о взглядах и потребностях своего поколения долгое время считалось привилегией. Но высшее образование стало более доступным, и в этой связи в обществе произошли изменения. Из площадки для рефлексии на общественно значимые темы система высшего образования превратилась в ярчайший пример неравенства, неэффективности и отсталости. Общественные институты поставлены под вопрос, и университеты не исключение.

Более того, у студентов чилийских университетов сейчас складывается ощущение, что они предадут идею протеста, если вернуться в учебные заведения и сделают их основной площадкой размышлений и обсуждений. Нет, подлинный, оправданный с моральной точки зрения способ для студентов донести до широкой публики свое мнение — это выйти на улицы, шествовать вместе с другими, скандируя лозунги. Студенты перестали посещать занятия в октябре, и еще в начале 2020 года было неясно, вернуться ли они в марте с началом нового семестра. А учащиеся выпускных классов бойкотировали и саботировали проведение единого письменного вступительного экзамена, который и так два раза откладывался из-за протестов. Они взламывали помещения, где должны были проходить экзамены, и досаждали снаружи. Впервые за всю историю страны перед экзаменом через соцсети оказались слиты все вопросы вместе с ответами, из-за чего организаторам пришлось вообще отменить тестирование.

Для чилийского высшего образования и чилийской молодежи наступили трудные, непредсказуемые времена. Но несмотря на этот спровоцированный народом хаос мы не должны забывать, что академическое сообщество по-прежнему предано идеалам и способно к рефлексии и дискуссии.

Молодежные протесты в Ливане: «Все — значит все»

Аднан Эль-Амин

Аднан Эль-Амин — профессор наук об образовании Ливанского университета, член Ливанской ассоциации исследований образования (LAES) и Арабской информационной сети по образованию (Shataa).

E-mail: elamine.adnan@gmail.com.

На протяжении трех десятилетий, с 1990 по 2019 год, Ливаном руководили шесть демократически избранных лидеров. Большинство из них — бывшие боевые командиры периода гражданской войны (1975–1990 годы), чьи связи помогали уходить от ответственности. Посмотрите на ситуацию под углом теории игр, и вы поймете, как так вышло. Каждый из основных игроков делает вид, что защищает права своей профессиональной общины путем распределения власти между различными группами, причем подразумевается, что каждый игрок может мобилизовать «своих» против остальных. На самом же деле эти лидеры всегда формировали правительство под знаменем «национального единения» ради легитимации собственного самовластия внутри общин.

Распределение власти между группами в контексте политической системы Ливана означало обоюдное принятие этими лидерами фактов политического вмешательства во все государственные процессы и в жизнь общественных институтов на всех уровнях управления — от верхушки до чиновников нижнего звена. Принципы протекционизма и политической ангажированности привели к масштабной коррупции, из-за чего сфера государственных услуг постоянно ухудшалась, что, в свою очередь, в итоге завело страну в глубокий экономический кризис.

Вспышка протеста

Еще 16 октября 2019 года никто не мог себе представить, что совсем скоро эти сильные лидеры услышат направленный против них призыв: «Все — значит все. [Всем] вон!» Воодушевленные этим лозунгом, люди по всей стране стали выходить на массовые демонстрации, что для современного Ливана оказалось в новинку.

Под вечер 17 октября, в четверг, правительство объявило о введении нового налога на звонки с помощью IP-телефонии (VoIP), например через FaceTime, Facebook и WhatsApp. Через полчаса улицы были наводнены людьми. К 11 вечера того же дня премьер-министр уже отменил этот новый налог, но протесты затянулись еще на несколько месяцев.

Идея обложить налогом IP-телефонию стала своего рода прямым ударом правительства по молодежи. Такие сервисы, как WhatsApp, бесплатно обеспечивают свободу коммуникаций, дают возможность обмениваться сообщениями, фотографиями, песнями, новостями, приколами и т.д.; люди используют их для организации развлекательных мероприятий, для общения со сверстниками, возлюбленными, родственниками, ведь у всех ливанцев есть родственники за границей.

Первыми на улицы вышли люди, оказавшиеся на периферии общества: маргинальные группы молодежи, безработные, люди без образования. Иными словами, все те, кто вечером 17 октября, скорее всего, проводил бы время на улицах или в многолюдных кафе. (Ирония состоит в том, что одним из идейных вдохновителей нового налога стал министр связи — по совместительству один из крупнейших олигархов страны, которого СМИ как раз недавно обвинили в реализации коррупционных схем с участием одной из двух крупнейших телекоммуникационных компаний страны.)

Затем к протестующим присоединились другие группы, включая молодежь самого разного социального происхождения со всех уголков страны — студенты, выпускники вузов, юноши и девушки. Молодежь в возрасте от 15 до 30 лет — уже не дети, но при этом люди, еще не обремененные собственными семьями, — составляет в Ливане большую долю населения (30%). Помимо того что они недовольны политической системой страны, они также страдают из-за высокого уровня безработицы (по данным на 2018 год — 17,3%), поэтому для многих молодых ливанцев единственным способом устроиться на нормальную работу становится эмиграция. Это отразилось в лозунгах, которые скандировали протестующие: «Нам надоело мечтать о визах» и «Нас не заставишь эмигрировать». Большинство аналитиков сходится в том, что Ливан много тратит на образование (почти 13% ВВП) и при этом отправляет свои высококвалифицированные кадры за границу. Многие молодые люди даже стали возвращаться в Ливан из-за границы, чтобы принять участие в протестах, а оставшиеся представители диаспоры организовывали акции солидарности во многих городах по всему миру. Ко всему прочему добавились особые основания для недовольства, которые есть у женщин: дети, рожденные в браках между ливанками и гражданами других стран, не имеют права на ливанское гражданство.

Студенческие протесты

Поскольку молодежь живет стесненно, но при этом по натуре своей строптивая, динамична и активно пользуется соцсетями, то именно она стала движущей силой протестов, начавшихся в Ливане 17 октября 2019 года. К другим группам населения, также сыгравшим важную роль в общественных волнениях, примкнули люди, у которых есть дети, а также врачи, юристы и сотрудники университетов. Протестующих объединили схожие политические взгляды: они обличают правящий

класс и призывают к созданию «независимого» правительства и «демилитаризации государства».

Студенты составили ядро молодежи, участвовавшей в протестах. Учащиеся университетов и школ по всей стране пропускали занятия, чтобы примкнуть к массовым демонстрациям. Они присоединялись к так называемым «школам протеста»: на площадях крупнейших городов были установлены дюжины тентов, под которыми студенты, профессура, журналисты и просто активисты ежедневно собирались для обсуждения экономических, политических, культурных, юридических и образовательных проблем. «Здесь, — говорили они, — мы на практике узнаем, что значит быть гражданином, а не учим враки из учебников; здесь мы учим подлинную историю, а не ту историю, которую нам навязывают коррумпированные политики».

Эти студенты распевали гимн страны, размахивали национальным флагом и коллективно выражали свое возмущение политической элитой. Они призывали к меритократической системе найма на работу, к обеспечению автономности Ливанского университета от политических вмешательств, а также к тому, чтобы частные вузы принимали плату за обучение в ливанских фунтах, а не в долларах США. Но что еще важнее отметить, студенты самоорганизовались путем создания независимых групп, не связанных с официальными комитетами и студенческими организациями, которые, в свою очередь, чаще всего находятся в руках членов правящих политических партий. Некоторые виды политической активности проходили в конкретных университетах, но движение в целом в большой степени объединило учащихся разных вузов: студентов Американского университета Бейрута, Университета Святого Иосифа и Ливанского университета.

Учащиеся университетов и школ по всей стране пропускали занятия, чтобы примкнуть к массовым демонстрациям.

Контрдействия

27 ноября 2019 года состоялся «Марш матерей». Его участницы вышли осудить поведение молодых сторонников двух политических лидеров-мусульман, совершивших днем ранее налет на христианский район. Для участниц марша, среди которых были представительницы и мусульманских, и христианских районов, этот инцидент стал напоминанием о гражданской войне, и они хотели выступить против возобновления межконфессиональных конфликтов с применением насилия.

Подобный риск «горизонтальных», или межконфессиональных, конфликтов появляется всегда, когда на мирных демонстрантов нападают «чужие» — или даже сотрудники органов правопорядка, которые обычно соблюдают нейтралитет. Произошедший 26 ноября инцидент стал одним из элементов «уличной игры», затеянной политическими лидерами, чтобы переключить внимание протестующих или настроить их друг против друга. Но хотя политики продолжают играть в эту уже ставшую традиционной игру, все признаки сейчас указывают на то, что им уже вряд ли удастся мобилизовать свои религиозные общины на развязывание вооруженного конфликта.

Протестующие пока не добились своих целей. Но ситуация сейчас уже не та, что была 16 октября. 17 октября запустился процесс социальных преобразований. Никому из представителей политических элит не удалось выйти сухим из воды, их критиковал даже их собственный электорат. Но будущее ливанской политической системы еще не ясно.

.....

Почему индийские студенты так разбушевались?

Автор — эксперт в сфере высшего образования из Нью-Дели (Индия)

В последние месяцы индийские вузы захватили неистовые протесты, причем протестная волна, начавшаяся в таких мегаполисах, как Ченнаи, Дели, Калькутта и Мумбаи, постепенно захватывает города поменьше. На улицы вышло беспрецедентно много молодежи, студентов и представителей академического сообщества. Во многих городах ответ на произвол полицейских, пытавшихся любой ценой подавить протесты, шествия и демонстрации, приобрел насильственный характер. Многие вузы вынуждены были временно закрыться и перенести экзамены. В некоторых городах, например в Алигархе, где расположен один из старейших государственных вузов страны — Алигархский мусульманский университет, власти, чтобы остановить студенческие протесты, отключили интернет.

Благодаря протестам, которые изначально были вызваны проблемами в кампусах и социальными проблемами студентов, широкая общественность услышала их голоса. Эпицентром недавних протестов, привлечших внимание национальных и международных СМИ, стал Университет имени Джавахарлала Неру (УДН) в Нью-Дели. Но даже студенты более спокойных, считающихся аполитичными вузов, например Индийских технологических институтов

в Мумбаи и Мадрасе или Индийского научного института в Бангалоре, тоже стали проводить встречи и шествия в знак солидарности со студентами УДН и других вузов. Пожалуй, это был первый случай, когда индийские студенты организовали такие масштабные протесты против властей.

Комплексные проблемы

Протесты недавнего времени в большой степени обусловлены накопившимся за последние несколько лет недовольством индийских студентов по целому ряду вопросов. Эти протесты — лишь верхушка айсберга глубокого кризиса, через который проходят индийское общество и его институты, переживающие худший период с момента обретения страной независимости.

В декабре 2019 года полиция Дели, которая подчиняется непосредственно центральному правительству во главе с премьер-министром Моди, избивала участвовавших в протестах студентов Национального исламского университета — государственного вуза, расположенного в Дели. Студенты протестовали против скандальных поправок в закон о гражданстве. Новая редакция закона позволяет претендовать на индийское гражданство иммигрантам из Афганистана, Бангладеш и Пакистана, исповедующим христианство, буддизм, индуизм, джайнизм, зороастризм или сикхизм, но на мусульман эти поправки не распространяются. Это явно нарушает принцип равенства, закрепленный в конституции Индии, и светские устои государства.

После этого эпизода злоумышленники в масках, якобы связанные со студенческой организацией УДН, находящейся под крылом правящей Индийской народной партии, начали волну погромов. В январе 2020 года вооруженная палками шайка избивала студентов и преподавателей УДН. Позиция, которую заняла администрация вуза и полиция, подверглась резкой критике и спровоцировала выступления в разных уголках страны.

События в УДН — пример коллизии между традиционным либерализмом университетов и стремительными изменениями, происходящими в стране под властью возглавляемого Моди индуистского националистического правительства.

События в УДН — пример коллизии между традиционным либерализмом университетов и стремительными изменениями, происходящими в стране под властью возглавляемого Моди индуистского националистического правительства. Раньше интересы политически активных студентов УДН были связаны с масштабными вопросами национальной и международной политики. Однако протесты последнего времени в основном спровоцированы решением администрации повысить стоимость обучения и ввести дополнительные сборы, снизив тем самым доступность высшего образования для представителей уязвимых групп населения. Студенты также протестовали против новых правил по введению дресс-кода и комендантского часа в общежитиях.

Диктатура нетерпимого большинства

Чтобы осмыслить охватившие всю страну бурные события последних месяцев, стоит разобраться в ряде вопросов, связанных с ростом популярности и влияния политики консерватизма в последние шесть лет. В течение первого срока премьер-министра Моди (2014–2019 годы) правительство вмешивалось в работу выдающихся высших учебных заведений, например Института кино и телевидения Индии, чьи студенты объявили в 2015 году бессрочную забастовку в знак протеста против назначения руководителем вуза Гаджендры Чаухана — актера, занявшегося политикой. В 2016 году председатель студенческого союза УДН был арестован по обвинению в подрывной деятельности, что было продиктовано политическими соображениями. В том же году покончил с собой аспирант Университета Хайдарабада Рохит Вемула, что послужило толчком к протестам, в том числе в других городах страны. Вемула совершил самоубийство из-за кастовой дискриминации в вузе, и есть все основания полагать, что руководство вуза действовало против интересов студентов, в том числе Вемулы, находясь под давлением сверху.

Примерно в то же время террористы правого толка из штатов Махараштра и Карнатака убили несколько выдающихся мыслителей, ученых и журналистов (среди жертв — Нарендра Дабхолкар, Говинд Пансаре, М. М. Карбурги и Гаури Ланкеш). Волну жесткой критики вызвало правительственное решение наложить на сотрудников федеральных университетов обязательство исполнять Кодекс поведения госслужащих федерального уровня. Записанные в кодексе правила ограничивают академическую свободу, способствуют политизации историографии и распространению шовинистических заявлений о научно-техническом развитии древней Индии, подрывают доверие к национальным статистическим службам.

Переизбрание в 2019 году Моди на должность премьер-министра (с колоссальным преимуществом) укрепило дальнейшее развитие правоконсерватив-

ных тенденций в индийской политике и обществе. Решения руководителей многих университетов, нередко назначенных по политическим соображениям, тоже пронизаны духом консерватизма. В результате многие вузы, особенно находящиеся в ведении непосредственно центрального правительства или властей штатов, в которых доминирует правящая Индийская народная партия (например, штате Уттар-Прадеш), приобрели недобрую славу из-за преследования инакомыслящих. Так что многие вузы и города оказались в чрезвычайном положении.

В декабре 2019 года стало известно, что руководство Института социальных наук имени Таты, известного государственного вуза в Мумбаи, выпустило приказ, запрещающий студентам и сотрудникам участвовать «в каких бы то ни было формах протеста», будучи «при исполнении». Аналогично проректор по работе со студентами Индийского технологического института в Мумбаи предостерег учащихся от участия в антиправительственных протестах. Другие индийские вузы тоже ввели ограничительные меры. Несоблюдение принципа академической свободы стало распространенным явлением.

Усмирение инакомыслящих в эпоху неолиберализма

Текущий кризис вызван политикой властей, поддерживающих религиозную нетерпимость большинства, в сочетании с неолиберальными экономическими мерами. В отличие от других студенческих движений последних лет, которые боролись в основном за решение проблем студенчества и во главе которых тоже стояли студенты, текущие протесты вызваны широко-масштабными проблемами национального значения, связанными с защитой демократических институтов и конституциональных ценностей.

Большинство государственных вузов страдает от нехватки ресурсов. Сам за себя говорит, например, тот факт, что даже сотрудникам престижных вузов, например Института фундаментальных исследований имени Таты, в 2019 году зарплаты выплачивались не в полном объеме. Кроме того, правительство поощряет диверсификацию доходов в государственных вузах ради обеспечения большей финансовой независимости — именно из-за этого, к примеру, руководство УДН решило повысить стоимость обучения и ввести новые финансовые сборы со студентов. Все это происходит на фоне колоссального замедления темпов индийской экономики в последние десятилетия и усугубляется растущей безработицей.

Решения правительства влекут за собой очень серьезные последствия для студентов и преподавателей вузов. В частности, речь идет о сокращении финансирования и нападках на государственные вузы и на науку в целом. Все это приводит к закручиванию гаек в вузах и усилению всестороннего контроля со стороны государства. Реакция властей и руководителей

вузов не может не вызывать серьезных опасений. На кону существование не просто индийских государственных вузов, но и самой идеи образовательных учреждений как площадок для творчества и критического мышления.

Университеты в период кризиса и в восстановительный период: случай Гонконга

Джерард А. Постильоне

*Джерард А. Постильоне —
почетный профессор и координатор
Консорциума исследований высшего образования
в Азии, Университет Гонконга (Китай).
E-mail: gerry.hku@gmail.com.*

Университеты всегда играли важную роль в самых разных общественных движениях. Некоторые из них становились оплотом реформ. Другие затевали восстания. Третьи оказывались втянуты в опустошительные для городов, в которых они расположены, общественные волнения. Одни города и их вузы только стали от этого в итоге сильнее, другие лишились прежнего динамизма. Можно вспомнить о забастовке Парижского университета 1229 года (не говоря уже о более недавних событиях — волнениях мая 1968 года) и о Движении 4 мая 1919 года в Пекине, которое возглавил Пекинский университет вместе с рядом других вузов. Движение за свободу слова, зародившееся в Калифорнийском университете в Беркли в 1964 году, оказало влияние на жизнь расположенного неподалеку Сан-Франциско, а Нью-Йоркский университет участвовал в движении «Захвати Уолл-стрит» (Occupy Wall Street). Речь идет о передовых вузах и городах мирового значения. В протестах 2019 года в Гонконге участвовало восемь университетов, входящих в международные рейтинги, причем три из них входят в сотню лучших в мире. Сможет ли Гонконг в целом и местные университеты в частности оправиться от этих событий?

Конфронтация

В 1997 году после 155 лет под британским колониальным правлением Гонконг воссоединился с Китаем и получил статус специального административного района Китайской Народной Республики в рамках соглашения «Одна страна — две системы», благодаря которому Гонконгу на 50 лет обеспечена высокая

степень автономии — до 2047 года. Специальный административный район Гонконг обладает собственной конституцией, в которой прописаны свобода слова и свобода собраний. Университеты в Гонконге обладают более высокой степенью автономии и академической свободы, чем в континентальном Китае.

Кризис начался 29 марта 2019 года, когда глава администрации Гонконга предложила проект закона, который позволяет экстрадицию подозреваемых в континентальный Китай. Из-за этого миллион жителей Гонконга, население которого составляет 7 миллионов человек, вышли на улицы с мирным протестом. После того как глава администрации отказалась отозвать свой законопроект, 17 июня на улицы вышло уже 2 миллиона мирных протестующих. Но правительство настаивало на своем, и общественное возмущение усилилось. Город охватила волна насилия, вандализма и столкновений с полицией. 23 октября законопроект был окончательно отозван. Но к тому моменту протестное движение развернулось на полную катушку: протестующие требовали отставки главы правительства, созыва независимой комиссии по расследованию случаев полицейского произвола, признания ошибочности определения демонстраций как мятежей, амнистии для всех задержанных в ходе протестов и предоставления гражданам всеобщего избирательного права на выборах главы правительства и на выборах в законодательное собрание.

Гонконг, в недавнем прошлом один из наиболее безопасных городов для студентов, оказался на грани коллапса. Большинство протестующих — молодежь до 30 лет, озабоченная будущим города в период после 2047 года. У протестующих не было четких лидеров, движение развивалось преимущественно благодаря соцсетям. Протестующие, разбившись на 10–20 групп, перекрыли автотрассы, крупные узлы городского транспорта, зону вылета в аэропорту и университеты. Они разгромили филиалы банков, рестораны, супермаркеты, магазины и сотни других предприятий, принадлежавших сторонникам правительства. Хотя в Гонконге миллион человек живет за чертой бедности, обошлось без мародерства. Многие люди отнеслись к протестам с терпимостью, офисные работники участвовали в демонстрациях во время обеденного перерыва. Некоторые выступали с порицанием вандализма и участвовали в шествиях в поддержку полиции.

В зданиях университетов шли ожесточенные столкновения. В одном из университетов полицейские в бронежилетах применили 1500 гранат со слезоточивым газом и использовали против демонстрантов, среди которых были также студенты и обычные граждане, 1200 резиновых пуль. В другом вузе было обнаружено несколько тысяч бутылок с зажигательной смесью, которые протестующие готовились использовать против полиции. Когда вузы превратились в поле битвы, руководители девяти университетов выпустили заявление, в котором они призвали правительство найти выход из сложившегося политического тупика.

В заявлении говорилось: «...Любые призывы к университетам просто взять и разрешить сложившуюся проблему просто нереалистичны. Не университеты породили сложившуюся трудную и запутанную ситуацию, и решить ее внутриуниверситетскими дисциплинарными мерами они не могут». Занятия в университетах были приостановлены.

Волнения продолжались почти полгода вплоть до выборов в окружные советы Гонконга, состоявшиеся 24 ноября. Явка превысила 70% и стала рекордной в истории Гонконга. Прodemократические партии получили почти 90% из 452 мандатов. Остальными требованиями демонстрантов правительству еще предстоит заняться.

В протестах 2019 года в Гонконге участвовало восемь университетов, входящих в международные рейтинги, причем три из них входят в сотню лучших в мире.

Каковы же перспективы?

«Одна страна — две системы» — это был гениальный ход, но будущее зависит от того, удастся ли властям удовлетворить одновременно и жителей Гонконга, и все остальное население страны. Центральное правительство Китая считает демократию без каких бы то ни было ограничений угрозой стабильности. Начиная с 1978 года более 5 миллионов китайцев получило образование в демократических странах Запада. За этот же период властям Китая удалось вывести из бедности 800 миллионов человек. Взвесив Гонконг с его 7 миллионами населения с одной стороны и остальной Китай с почти полутора миллиардами — с другой, верховное руководство страны приходит к выводу, что ради высшего блага нужно усилить контроль.

Хотя правительство в Пекине не всегда получает точную и адекватную картину настроений в Гонконге, оно знает, что среди школьников и студентов царит недовольство. Власти Китая списывают это на отсутствие патриотического воспитания и на нехватку доступного жилья в условиях высокого социального неравенства. Они критикуют гонконгских магнатов в сфере недвижимости за то, что те ставят собственное обогащение выше общего блага. Власти Китая полагают, что новая инициатива по развитию региона Большого залива позволит укрепить связи между

экономикой и университетами Гонконга с одной стороны и экономикой Южного Китая — с другой, а также поможет вовлечь молодых гонконгцев в развитие Китая. (Большинство студентов без энтузиазма отнеслось к этой инициативе и к попыткам ввести программу патриотического воспитания.)

Система принятия решений в Гонконге стала для властей Китая — второй по размеру экономики в мире — еще более сложной проблемой на фоне разгоревшейся торговой войны с США. Власти Китая утверждают, что протестное движение в Гонконге «поддерживается внешними силами». Некоторые участники демонстраций выходили на улицу с американскими флагами, а 15 октября 2019 года конгресс США принял закон «О правах человека и демократии в Гонконге».

Тем не менее университеты Гонконга, скорее всего, не сдадут своих позиций. Нет никаких оснований полагать, что власти планируют как-то ограничить свободу ученых и преподавателей гонконгских университетов в том, что касается их исследовательской, публицистической и преподавательской деятельности. Гонконгская профессура оказала бы сопротивление в случае риска потери академической свободы, университеты стали бы резко падать вниз в международных рейтингах. Высшее руководство университетов явственно намерено продолжать вести диалог со студентами. По закону университеты обладают высокой степенью автономии и академической свободы. По традиции вузы активно занимаются поиском талантливых кадров и приглашают к себе ученых со всего мира. Центральные власти Китая хорошо осведомлены об особенностях Гонконга и его университетов — об их международных контактах и их международной работе. Вряд ли правительство захочет прикрыть это окно в мир параллельно с тем, как оно пытается приоткрыть новое окно со своей инициативой «Один пояс — один путь».

Гонконг и его университеты оправились от беспорядков 1967 года, в которых погиб 51 человек, а счет раненых шел на сотни. Подобно тому как нью-йоркские университеты оправились от охвативших город антивоенных протестов в 1968 году, так и университеты Гонконга с оптимизмом идут по схожему пути, сохраняя свою жизнестойкость и рассчитывая на стабилизацию.

Роль университетского сообщества в политическом движении за независимость Каталонии

**Жозеп М. Дуарт,
Альберт Санчес-Желаберт
и Жозеп М. Вилальта**

*Жозеп М. Дуарт — профессор
Открытого университета Каталонии.
E-mail: jduart@uoc.edu.*

*Альберт Санчес-Желаберт — доцент социологии
Автономного университета Барселоны.
E-mail: albert.sanchez@uab.cat.*

*Жозеп М. Вилальта — исполнительный
секретарь Каталонской ассоциации
государственных университетов и директор
Глобальной сети университетов за инновации.
E-mail: jmvilalta@acup.cat.*

Политические события в Каталонии, в особенности события 2015–2019 годов, оказали влияние на университеты, где прошли многочисленные забастовки и протесты студентов и преподавателей, в результате чего университетам пришлось мобилизоваться и дать ответ на эти неутраченные волнения. Первоначально подтолкнувшие к волнениям события происходили за несколько дней до подготовленного и поддержанного правительством Каталонии референдума о самоопределении, состоявшегося 1 октября 2017 года, и были связаны с преследованиями и арестами, которые полиция проводила с целью подорвать голосование. Референдум ознаменовал начало репрессий, которые полиция начала применять прямо в день голосования, задержав и отправив за решетку активистов, выступавших за независимость региона, и верхушку регионального правительства (другие члены высшего руководства Каталонии, включая президента, бежали за границу и запросили убежища в разных странах: в Бельгии, Швейцарии и Шотландии), и за которыми последовали судебные процессы. Пик волнений случился два года спустя из-за того, что 14 октября 2019 года Верховный суд Испании признал большинство подсудимых виновными в подстрекательстве к мятежу и приговорил их к тюремным срокам от 9 до 13 лет. Это судебное решение послужило толчком к новой волне массовых протестов, в которых участвовали каталонские университеты и часть студентов.

Роль университетов

Именно в Каталонии расположен ряд лучших, по данным международных рейтингов, вузов Южной Европы. Каталонские университеты, которые объединяют в общей сложности порядка 240 тысяч студентов и более 18 тысяч преподавателей, с самого начала принимали участие в активистских движениях и протестах, причем как на институциональном, так и на индивидуальном уровне. В октябре 2012 года Каталонская ассоциация государственных университетов (ACUP), куда входит восемь вузов, представляющих 87,5% всех студентов региона, объявила о намерении подписать национальный пакт движения «За право выбора» в преддверии национального опроса, запланированного на 9 ноября 2014 года. 3 октября 2017 года, через два дня после референдума, университеты при поддержке студенческих профсоюзов присоединились к крайне эффективной всеобщей забастовке, объявленной главными профсоюзами Каталонии. Два года спустя, в день, когда Верховный суд Испании обнародовал свой вердикт, ACUP опубликовала заявление, подписанное ректорами всех университетов, в котором вновь подтвердила объявленную еще 24 марта 2018 года позицию, включая «глубокое негодование взятием под стражу ряда каталонских лидеров и политиков» и «озабоченность самочувствием обвиняемых». В своем заявлении ACUP призвала «всех политических игроков объединить усилия с целью поиска решения текущего политического конфликта, которое бы поддержало подавляющее большинство жителей Каталонии и которое можно было бы в кратчайшие сроки воплотить в жизнь». Таким образом, руководствуясь собственной многогранной идентичностью, университеты Каталонии на институциональном уровне заняли твердую позицию в защиту прав человека и прав личности, тем самым используя свой моральный и академический, а не политический авторитет.

Роль студентов

Несмотря на позицию, которую заняли университеты, после решения 14 октября 2019 года они множество раз оказывались со своими студентами по разные стороны баррикад. Накануне объявления приговора студенты призвали к 72-часовой забастовке, вылившейся впоследствии в массовые протесты, а началось все с блокировки барселонского аэропорта Эль-Прат имени Жозепа Тарраделласа, организованной движением «Демократическое цунами». Эти события повлекли за собой волну новых протестов, включая демонстрации на улицах Барселоны, всеобщую забастовку 18 октября 2019 года, перекрытие границы между Каталонией и Францией и формирование студенческого лагеря на Университетской площади в Барселоне.

Молодежь и студенты сыграли ведущую роль в этих протестах, они также активно участвовали в акциях, устроенных другими организациями с использованием социальных сетей. Некоторые студенческие

ассоциации и профсоюзы призывали руководителей университетов и факультетов дать студентам послабление на время протестов против решения Верховного суда, например не наказывать тех, кто участвовал в демонстрациях. Многие университеты и университетские колледжи признали, что в регионе наступили исключительные времена, и согласились сделать для студентов послабления в первом семестре 2019–2020 учебного года. Тем не менее всего 2000 студентов воспользовались этим своим правом. К примеру, всего 1300 из 26 тысяч студентов Автономного университета Барселоны попросили перенести итоговый экзамен на конец осеннего семестра. В других университетах таких студентов было еще меньше.

Управление по делам университетов и науки при правительстве Каталонии выступило 31 октября 2019 года с рядом заявлений, в которых оно обозначило свою позицию. В частности, что «исключительный характер носит сложившаяся политическая ситуация, а не протесты», организованные студентами, которые являются естественным элементом любого активистского движения. Этот государственный орган также призвал руководителей вузов поддерживать на должном уровне качество и высокие академические стандарты. Волнения продолжались на протяжении всего октября и повлекли за собой более или менее значимые последствия для разных университетов.

...каталонские университеты приложили все усилия, чтобы укрепить свой академический и моральный авторитет.

Влияние на университеты

В период с 2015 по 2019 год университетское сообщество Каталонии то поддерживало движение за право региона на самоопределение, то отстаивало противоположную позицию. При этом, если не брать в расчет два описанных выше острых периода (вокруг референдума 1 октября 2017 года и во второй половине октября 2019 года, после решения Верховного суда), университеты Каталонии не прекращали обычную работу.

В целом в университетах Каталонии учится довольно много иностранцев — как из других стран Европы, так и из дальнего зарубежья. К примеру, в 2017–2018 учебном году в вузах региона обучалось 12 544 иностранца. На сегодняшний день нет никаких признаков того, что иностранцев или вообще студентов

в университетах Каталонии стало меньше. То же относится и к проводимым в Каталонии многочисленным конгрессам и конференциям, а также к исследовательской продуктивности каталонских вузов, которая отражается в количестве научных публикаций и в участии ученых в конкурсах исследовательских проектов. Соответственно, мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть влияние региональных политических процессов на каталонский университетский сектор. С другой стороны, мы можем уверенно утверждать, что и университеты (на институциональном уровне), и отдельные студенты и преподаватели явственно выступают в поддержку индивидуальных и коллективных прав, чего и стоит ожидать от академического сообщества. Естественно, уровень вовлеченности студентов и преподавателей в протесты различался. В свете сложившейся сложной политической ситуации каталонские университеты приложили все усилия, чтобы укрепить свой академический и моральный авторитет, поощряя свободу мысли и используя институциональное положение для выработки консенсуса о переговорах как лучшем способе решения конфликта в регионе.

Переосмысливая международные филиалы вузов

Филип Дж. Альтбах и Ханс де Вит

*Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор, а Ханс де Вит — профессор и действующий директор Центра по изучению международного высшего образования, Бостонский колледж (США).
E-mail: altbach@bc.edu, dewitj@bc.edu.*

Международные филиалы вузов (МФВ), которые начали появляться примерно полвека назад, сейчас превратились в не очень масштабный, но хорошо укоренившийся в мировом образовательном ландшафте феномен. Некоторые авторы (*Branch campuses can widen access to higher education*, University World News, December 14, 2019) утверждают, что МФВ ждет большое будущее и что они могут сыграть важную роль. А мы, наоборот, настроены скептически и полагаем, что МФВ находятся — и останутся — на периферии образовательного пространства и что многие из них, скорее всего, нежизнеспособны в долгосрочной перспективе.

В 2017 году в 77 странах мира действовало 263 МФВ, причем их число менее чем за 20 лет выросло более

чем в два раза. Китай обогнал Объединенные Арабские Эмираты по числу действующих в стране МФВ. Основные страны, создающие МФВ, — США, Австралия и Великобритания, важными игроками на этом поле также являются Россия и Франция. В целом МФВ составляют примерно 1% от общего числа университетов в мире (более 20 000), в них обучается около 225 000 студентов. Это 5% от числа студентов, участвующих в программах международной мобильности, и 0,1% от общего числа студентов в мире. МФВ занимают востребованную, но очень небольшую нишу, поэтому удивительно, как много исследований им посвящено, особенно в сравнении с другими формами международного образования, такими как франшизы, программы с перезачетом кредитов, набранных в других вузах, и т.д., которые не так заметны, но эффект от которых более существенный и одновременно более неоднозначный.

Нестабильность МФВ

Выживание МФВ зависит от ряда потенциально очень изменчивых сил. Непосредственный контроль над МФВ находится в руках властей принимающей страны, поэтому изменения политического или экономического характера, решения местных органов власти в сфере высшего образования (включая надзорные органы), меняющиеся интересы абитуриентов или рыночные колебания — всё это может оказывать прямое воздействие на работу МФВ. Провал в наборе необходимого числа студентов также может стать значительной проблемой. Примечателен пример Японии в 1980-х годах. В тот период — по инициативе главным образом местных и региональных властей — в стране был открыт 21 МФВ преимущественно малоизвестных американских университетов. Все они быстро столкнулись с правовыми проблемами, что, помимо прочего, не позволило им привлечь запланированное число студентов. В итоге выжило всего 3 МФВ. Власти Сингапура поначалу стимулировали открытие МФВ, а затем — в силу разных причин — постепенно закрыли многие из них. В то же время другие МФВ, работавшие в Юго-Восточной Азии, стали закрываться по решению университетов-учредителей или по решению местных властей в связи с финансовыми сложностями, проблемами с набором студентов или трудностями внутривластного характера. Многие МФВ прекращают свое существование, даже не открывшись. Так произошло в 2018 году с нидерландским Университетом Гронингена, который планировал открыть филиал в Китае.

Кто платит?

Исследований об особенностях финансирования МФВ практически нет, однако кое-что понятно и без них. Во-первых, университеты-учредители почти никогда не платят за занимаемые ими в принимающей стране помещения или кампусы. Например, в случае с филиалом Нью-Йоркского университета в Абу-Даби

кампус был построен правительством Абу-Даби. Иногда местные застройщики предоставляют помещения специально для того, чтобы привлечь в страну МФВ. Так, для привлечения девяти МФВ правительство Катара построило целый «Город образования». Спонсоры МФВ в принимающей и отправляющей стране часто рассчитывают на прибыль или хотя бы на самоокупаемость филиалов. Другие МФВ опираются на значительные субсидии местных властей. Еще один относительно новый феномен — использование МФВ как инструмента продвижения и мягкой силы. Маловероятно, что большинство МФВ смогло бы выжить, окажись они на полном самообеспечении. МФВ, которые пытаются самостоятельно решить финансовые вопросы или получают недостаточно поддержки от своей или принимающей страны, нередко обанкрочиваются и закрываются.

Почему МФВ вообще существуют?

Причины, по которым МФВ создаются и существуют, очень комплексные и различаются для принимающих и создающих их стран (см. статью Рамбли и Уилкинса с обновленным определением МФВ в 93-м выпуске «Международного высшего образования»). Для принимающих стран МФВ — это вопрос престижа, с которым ассоциируется зарубежное высшее образование, возможность повысить доступ к высшему образованию в ситуации нехватки мест в других вузах, инструмент снижения оттока студентов за границу и распространения новых веяний в сфере методологии и содержания образования или управления вузами и других инноваций, а для местного бизнеса это способ заработать деньги. Некоторые города и страны, например Дубай, Катар, Южная Корея, позиционируют себя в качестве «образовательных центров» и пытаются (с переменным успехом) стимулировать открытие филиалов иностранных университетов на благо местных либо региональных рынков. На Ближнем Востоке МФВ играют особенно важную роль, предоставляя женщинам возможность получить «заграничное» высшее образование, поскольку те зачастую не имеют права самостоятельно выехать за рубеж.

Университеты, открывающие филиалы в других странах, преследуют собственные цели. Некоторые рассматривают филиалы как инструмент привлечения студентов для обучения в головном вузе и улучшения имиджа. Многие концентрируются просто на зарабатывании денег. Некоторые страны рассматривают иностранные филиалы своих вузов как ресурс мягкой силы. Для каких-то университетов филиалы — просто элемент стратегии и один из способов интернационализации, особенно в случаях, когда они направляют студентов из головного вуза на учебу в филиалы. Особенно успешен с этой точки зрения Нью-Йоркский университет, который предоставляет студентам возможность обучаться в своих филиалах в Абу-Даби и Шанхае. Иногда они просто откликаются на приглашения принимающей страны, особенно

если эти приглашения сопровождаются значительными инвестициями. Бывает, что МФВ предназначены для обслуживания диаспоры, как, например, в случае с филиалами индийских вузов в Дубае и в странах Карибского бассейна. В качестве примера еще одной модели можно привести филиал Сямэньского университета в Малайзии, живущего преимущественно на деньги местной китайской общины и обслуживающего выходцев из Китая.

Приведенный выше список причин существования МФВ не является исчерпывающим и указывает на то, что это сложное явление и иногда интересы вовлеченных сторон противоречат друг другу.

Являются ли МФВ инновационными и в чем их польза?

Мало оснований считать, что МФВ вносят какой-то значимый вклад в реформирование систем высшего образования в странах, где они работают. Они как будто варятся в собственном соку, а их образовательные программы и подход к преподаванию и обучению являются отражением того, что принято в головном вузе. Как пишут Джейсон Лейн и Ханс Поль в этом выпуске «Международного высшего образования», вклад МФВ в развитие науки тоже весьма ограничен, за несколькими исключениями. Нет никаких или практически никаких признаков того, что МФВ способствуют развитию высшего образования принимающих стран. Наоборот, из-за столкновения их понимания академических свобод и идеологических требований местных властей они нередко оказываются вовлечены в конфликты, что хорошо показывают недавние события в Китае.

Мало оснований считать, что МФВ вносят какой-то значимый вклад в реформирование систем высшего образования в странах, где они работают.

Являются ли международные филиалы копией головных вузов?

Основной принцип, лежащий в основе идеи МФВ, состоит в том, что они должны максимально точно повторять учебные планы, подход к преподаванию и дух головного университета. Но у нас нет данных, которые помогли бы подтвердить или опровергнуть, насколько им это удастся. Некоторые университеты прилагают немалые усилия (которые обходятся им

недешево) для того, чтобы поддерживать в зарубежных филиалах высокие академические стандарты и идеалы. Например, Нью-Йоркский университет в Шанхае и Абу-Даби и Йельский университет в Сингапуре. Американские вузы, открывшие свои филиалы в катарском «Городе образования» (опять же благодаря существенной финансовой поддержке со стороны местных спонсоров), тоже пытаются воспроизвести на месте атмосферу головных университетов. Многие филиалы, особенно те, которые были созданы для зарабатывания денег, выдают студентам дипломы головных вузов, но при этом нанимают местных преподавателей и используют простейшую инфраструктуру. Возникает множество серьезных вопросов о том, как поддерживать в МФВ сравнимые с головными университетами академические стандарты и качество образования.

Непредсказуемое будущее

МФВ, скорее всего, останутся небольшим нишевым феноменом глобальной академической интернационализации. МФВ, которые предоставляют качественное образование и налаживают связи с вузами принимающей страны, вполне полезны. Когда они знакомят местное сообщество с новыми идеями в сфере образования, например с идеей гуманитарного образования широкого профиля, и важными академическими нормами, включая академическую свободу, они вносят важный вклад в жизнь принимающей страны.

Но в текущей международной ситуации есть поводы переживать за будущее МФВ. По мере укрепления странами собственного национального потенциала и повышения качества национальных образовательных систем возникают сомнения в том, останутся ли МФВ полезными и привлекательными для абитуриентов. В таких странах, как Китай, где принципы академической свободы и автономии все чаще оказываются под ударом, МФВ становится все труднее работать. К тому же могут появиться расхождения во взглядах на их деятельность в принимающих странах и странах, чьи вузы открывают филиалы за рубежом. Наконец, различий в модели деятельности и финансирования, в нормативном контексте и в качестве образования оказывается все больше, из-за чего становится сложно рассматривать МФВ как единую категорию.

Маржиналистская революция: влияние транснационального образования на высшее образование в Китае

Сяоцзюнь Дин

*Сяоцзюнь Дин — профессор Института международных и сравнительных исследований образования Шанхайского педагогического университета (Китай).
E-mail: dingxiaojiong@hotmail.com.*

Транснациональное образование благодаря поддержке властей начало распространяться в Китае еще в 1980-х годах. Обычно оно принимает одну из двух форм: речь идет либо о транснациональных вузах, либо о транснациональных образовательных программах. Транснациональные вузы — это вузы, реализующие как минимум три транснациональные образовательные программы. По данным сайта Министерства образования Китая, на март 2016 года в 28 из 34 китайских провинций функционировало в общей сложности 73 транснациональных вуза и 1100 транснациональных программ бакалаврского и магистерского уровня. Власти Китая позволяют иностранным вузам заниматься транснациональным образованием только в сотрудничестве с местными вузами. Так, 1173 транснациональных института и программы работали при поддержке 611 иностранных вузов из 35 стран в сотрудничестве с 414 местными вузами.

В Китае транснациональное образование тесно связано с идеей наращивания местного потенциала. В конце 1970-х годов, когда в Китае начались масштабные экономические и социальные реформы, выяснилось, что национальная система высшего образования устарела и практически не работает. Предполагалось, что появление такого нового феномена, как транснациональное образование, поможет кардинально преобразовать национальную систему. Власти Китая делали ставку на транснациональные вузы больше, чем на транснациональные программы. Транснациональные программы реализуются и администрируются обычными факультетами местных вузов, а транснациональные вузы работают в формате тесного сотрудничества местных факультетов с зарубежными вузами и, как предполагается, способствуют внедрению перенимаемых у зарубежных партнеров практик управления и образовательных методик. В 2013 году Министерство образования Китая начало мониторинг транснационального образования в 23 провинциях. Среди показателей был «внутренние выгоды факультетов

местных вузов, участвующих в реализации транснационального образования, с точки зрения укрепления их педагогического, исследовательского и академического потенциала».

«Слабые ученые» среди преподавателей транснационального образования

Вопреки ожиданиям правительства, транснациональное образование не стало инкубатором институциональных и системных изменений. Как писала Шелда Дебовски в статье *Lost in Internationalised Space: The Challenge of Sustaining Academics Teaching Offshore*, преподаватели бизнес-школы одного из австралийских университетов, работавшие на транснациональной образовательной программе, считались «второсортными учеными», потому что они проводили много времени, обучая студентов в зарубежных вузах, и публиковались реже коллег. То же самое происходит и в Китае с преподавателями, работающими в сфере транснационального образования.

Для транснациональных вузов/программ главное — обучение, в то время как традиционные факультеты/программы отдают приоритет науке. Одним из критериев отбора кадров в сфере транснационального образования является их желание и умение преподавать, в то время как кандидатов на обычные должности оценивают по научным достижениям. В транснациональном образовании исследовательская деятельность кандидатов оценивается не так строго, поэтому транснациональные вузы/программы нередко нанимают сотрудников, которых обычные вузы/программы отвергли из-за того, что они «слабые ученые».

Для транснациональных вузов/программ главное — обучение, в то время как традиционные факультеты/программы отдают приоритет науке.

Преподавание на иностранном языке — источник дополнительной нагрузки для местных преподавателей. Многие преподаватели, работающие в сфере транснационального образования, имеют опыт участия в международных обменах и/или окончили иностранные вузы. Однако подготовка учебно-методических материалов, разработка экзаменационных заданий и оценка студенческих работ на иностранном языке все равно отнимает массу времени — времени, которое в иных условиях эти люди могли бы потратить на на-

учную работу. Сотрудники транснациональных вузов и программ часто жалуются, что из-за высокой преподавательской нагрузки подготовка научных статей становится для них недоступной роскошью. В результате этих сотрудников считают слабыми учеными, второсортными по отношению к их коллегам с обычных факультетов/программ.

«Академическая второсортность» транснационального образования

Само по себе транснациональное образование тоже считается слабым с академической точки зрения, несмотря на то что многие транснациональные программы реализуются в сотрудничестве с ведущими университетами. В силу административных причин многие транснациональные вузы в основном привлекают местных преподавателей-совместителей. Соответственно, им грозит «выхолащивание», поскольку качество предоставляемых образовательных услуг не «эндогенно», а зависит от кадров на местах. В отсутствие собственного академического потенциала, выбирая себе имя, транснациональные вузы нередко отсылают не к своей академической специализации (например, «инженерный факультет»), а к направлению осуществляемого ими международного сотрудничества (например, «Китайско-Британский колледж» или «Китайско-Европейская международная школа»). Некоторые транснациональные вузы объединяют под одной крышей программы в сфере общественных, гуманитарных, естественных и инженерных наук. Это происходит в случае, если их зарубежные вузы-партнеры расположены в одной стране/регионе (к примеру, один транснациональный вуз сотрудничает с несколькими французскими университетами в области экономики, маркетинга и информатики).

Тем не менее в последние годы транснациональные вузы обрели популярность. В отличие от транснациональных программ, рассеянных по отдельным факультетам разных вузов, транснациональным вузам удается привлечь внимание за счет эффекта масштаба. Они оказываются привлекательными в глазах международных студентов, а их вузы-партнеры получают репутацию «реформаторов».

У транснациональных программ и транснациональных вузов много общего. Транснациональные образовательные программы меньше по масштабу и реализуются на базе отдельных факультетов местных вузов, с которыми они тесно сотрудничают, оказывая образовательные и иные услуги. Соответственно, транснациональным программам, как и транснациональным вузам, тоже может грозить «выхолащивание».

Ограниченный эффект зарубежного опыта

Значительную долю преподавателей большинства транснациональных вузов и программ составляют сотрудники местных вузов, которых нанимают на не-

полную ставку и от которых при этом ожидают, что они будут использовать в своей работе лучшие международные практики и способствовать их дальнейшему внедрению в местную образовательную систему. Но на деле все происходит далеко не так. На самом деле преподаватели транснациональных программ с грехом пополам проводят свои занятия и вообще не заинтересованы в распространении новых практик.

Более того, некоторые транснациональные вузы/программы ориентируются в первую очередь на рынок и становятся своего рода трамплином для студентов, которые на третьем и/или четвертом году обучения уезжают доучиваться за границу в вузах-партнерах. Хотя формально местные, китайские преподаватели и их иностранные коллеги и работают вместе, на практике они обучают разные группы студентов: местные преподаватели обучают первокурсников и второкурсников, которые проводят большую часть времени в Китае и проходят базовые курсы, в то время как иностранные преподаватели обучают третькурсников и четверкурсников, многие из которых уезжают доучиваться за границу и/или изучают специализированные/углубленные курсы. Несмотря на то что у преподавателей-китайцев много возможностей для работы в области транснационального образования, им редко удается познакомиться с зарубежным опытом.

Маргиналистка революция

Статус транснационального образования в Китае и его влияние на национальную систему высшего образования можно охарактеризовать термином «маргиналистка революция». Рональд Гарри Коуз и Нин Ван предложили использовать этот термин для описания кардинальных трансформационных процессов, происходивших в китайской экономике на протяжении последних 30 лет. Изменения начинаются на периферии экономики благодаря возрождению негосударственного сектора, не скованного ограничениями существующих институциональных рамок. В итоге эти периферийные силы выходят на передний план и кардинальным образом трансформируют национальную экономическую систему.

Как и представители негосударственного сектора, начинавшие на заре экономических реформ, современное транснациональное образование не укладывается в обычные для сектора высшего образования институциональные рамки. Однако транснациональному образованию не удалось стать источником аналогичных глубоких и масштабных изменений. Из-за «академической второсортности» транснационального образования и работающих в этой области преподавателей транснациональные вузы/программы нередко оказываются на дне рейтингов в сравнении с обычными вузами, традиционно уделяющими большое внимание науке. В Китае произошла маргинализация транснационального высшего образования, не сумевшего показать местным вузам образцы, на которые стоило бы равняться. В силу различных причин местным вузам редко удается позна-

комиться с зарубежным опытом. По большому счету, несмотря на 30 лет устойчивого роста (по количественным показателям), транснациональное высшее образование по-прежнему находится в Китае на периферии образовательной системы, а его влияние минимально.

Международные филиалы вузов: новая платоновская Академия

Лань Хэ и Стивен Уилкинс

*Лань Хэ — исследовательница из Юньнаньского университета финансов и экономики (Куньмин, Китай).
E-mail: 526934738@qq.com.*

*Стивен Уилкинс — профессор Британского университета в Дубае (ОАЭ).
E-mail: stephen.wilkins@buid.ac.ae.*

Платоновская Академия, основанная примерно в 387 году до новой эры, широко признается в качестве одной из основ нашей современной цивилизации и культуры. Академия зародилась как сообщество просвещенных людей из Афин, которые вместе изучали философию, математику и астрономию, а потом превратилась в центр распространения знаний. С течением тысячелетий все аспекты нашей жизни оказались пронизаны гениальными идеями древних философов. Развитие международных филиалов вузов (МФВ) — новая, революционная тенденция в сфере высшего образования, которая может значительно ускорить обмен знаниями, в частности в странах с доходами ниже среднего, и будет содействовать международной информационной дипломатии подобно тому, как это происходило на протяжении веков с платоновской Академией.

Сдвиг парадигмы

Концепция информационной дипломатии как альтернативы мягкой силе набирает популярность. Информационная дипломатия может включать в себя использование транснационального образования, науки и инноваций для укрепления отношений между странами. Говоря об информационной дипломатии, Джейн Найт подчеркивает такие важные ее аспекты, как содействие взаимопониманию и нахождению компромиссов, вовлечение всех сторон и взаимность. Мягкая сила, наоборот, применяется обычно в корыстных целях: ради распространения своего влияния или чтобы добиться господства (см. статью Найт «Информационная дипломатия: ключевые характеристики» в сотом номере «Международного высшего образования»).

Раньше распространение знаний, технологий и инноваций через МФВ практически всегда шло в одностороннем порядке — с более процветающего и продвинутого «глобального Севера» на «глобальный Юг». Традиционные МФВ, подобно международной гуманитарной помощи, считались чем-то вроде образовательной помощи странам, испытывающим острую потребность в новых знаниях и укреплении своего образовательного потенциала. Чаще всего зарубежные филиалы по-прежнему открывают вузы из США, Великобритании и ряда западноевропейских стран. А государства с самым большим числом МФВ сосредоточены в Восточной и Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. У американских вузов насчитывается в общей сложности более 80 зарубежных филиалов, у британских — более 40. При этом почти четверть всех МФВ в мире расположены в Китае и Объединенных Арабских Эмиратах.

Впрочем, в мире МФВ сейчас наблюдаются интересные изменения. Китай, который когда-то считался главной принимающей страной для МФВ, теперь сам вошел в десятку стран, чьи вузы создают больше всего зарубежных филиалов. Его догоняют Индия, Малайзия и Россия. Все больше развивающихся стран, которые когда-то закрыли свои двери для МФВ, теперь встречают их с распростертыми объятиями. К тому же в десятку стран, где расположено больше всего МФВ, теперь входят и государства с высокими доходами, включая Великобританию, Канаду и Францию.

Информационная дипломатия

Объединенный интернетом мир, безусловно, становится более взаимосвязанным, так как мгновенный обмен информацией между людьми, представляющими разные страны и культуры, происходит буквально каждый день. В этом контексте можно говорить о том, что роль МФВ немного изменилась: если первоначально они были инструментом и проводником образовательной помощи (или средством получения дохода), то в последнее время они становятся центрами информационного обмена и узлами информационной дипломатии. Потенциально информационная дипломатия может помочь всем странам (и принимающим, и направляющим), вузам и конечным получателям знаний добиться взаимовыгодных результатов.

Современный мир полон конфликтов и запутанных процессов. Это результат интенсификации межкультурных контактов. К сожалению, разрешить эти конфликты с помощью одной традиционной дипломатии и общения «на высшем уровне» зачастую трудно. Гораздо эффективнее способствовать сближению людей, чтобы они понимали друг друга, и развитию взаимодоверия. Знания и образование (главное, возможно, наследие человечества) — лучшие инструменты для улучшения международных отношений и взаимопонимания между людьми. И МФВ предстоит сыграть ключевую роль в этом.

Хотя МФВ часто оказываются в зоне пристального внимания политиков, законодателей, представителей академического сообщества и журналистов, не стоит принижать ключевую роль МФВ как проводников информационной дипломатии.

Хотя МФВ часто оказываются в зоне пристального внимания политиков, законодателей, представителей академического сообщества и журналистов, не стоит принижать ключевую роль МФВ как проводников информационной дипломатии. МФВ способствуют международному обмену студентами, преподавателями, знаниями, культурой и опытом. Студенты, которые сейчас нарабатывают навыки международной и межкультурной коммуникации, в будущем помогут обеспечить мир во всем мире.

Высшее образование также стало для государств важным инструментом создания и укрепления выгодных политических, социальных и экономических отношений. Армения, например, входившая когда-то в состав Советского Союза, не колеблясь бесплатно выделила российскому вузу, а именно Российскому экономическому университету имени Г.В. Плеханова, землю под строительство кампуса, который будет работать ради общего блага. К открытию МФВ в Африке зачастую вообще нет никаких экономических предпосылок, но тем не менее все больше вузов по всему миру об этом задумываются.

Информационная экономика и перспективы на будущее

Уже есть факты, подтверждающие, что МФВ содействуют развитию информационной экономики. Это отражается в их научной продуктивности, в зарегистрированных патентах и в их предпринимательской деятельности. Одно исследование, проведенное Полем и Лейном, выявило, что в 2017 году 38% научных публикаций Катаром было подготовлено именно сотрудниками МФВ. А один только индийский Университет Амита, располагающий 13 зарубежными филиалами, зарегистрировал более 800 патентов.

Иногда МФВ делятся с принимающими странами опытом, научными знаниями и инновациями, полезными для решения проблем местного, регионального и глобального уровня. Некоторые страны особенно

заинтересованы в создании у себя филиалов медицинских вузов. Примером могут служить филиал Корнеллской медицинской школы имени Вайля в Катаре или филиал медицинской школы Университета Нью-касла в Малайзии. Берлинский технический университет в египетском Эль-Гуне, открывшийся в 2012 году, с самого начала строился как будущий центр науки, инноваций и международного сотрудничества. В соответствии с потребностями местной экономики этот филиал специализируется на образовании и науке в сфере энергетики, гидротехнического строительства и городского планирования.

Хотя некоторые журналисты продолжают писать о том, что МФВ загибаются или даже вымирают, практика показывает, что позиции многих МФВ очень устойчивы, они успешны и даже продолжают расти. К примеру, три из действующих в Дубае МФВ (речь о филиалах Университета Хериота-Уатта, Рочестерского технологического института и Университета Вуллонгонга) в настоящее время строят новые, более просторные университетские комплексы по специальному проекту. Они явно рассчитывают на долгие годы процветания.

Так что же, имеет ли смысл сравнивать МФВ с платоновской Академией? Время покажет. Однако ясно, что, в отличие от платоновской Академии, положительный эффект от МФВ проявляется гораздо быстрее.

Научная продуктивность международных филиалов вузов

Джейсон Э. Лейн и Ханс Польш

Джейсон Э. Лейн — декан Школы наук об образовании и профессор по образовательной политике и управлению образованием Университета штата Нью-Йорк в Олбани (США); соруководитель исследовательской группы по изучению трансграничного образования (C-BERT).
E-mail: Jason.lane@suny.edu.

Ханс Польш — программный директор Шведского фонда за международное сотрудничество в сфере науки и высшего образования (STINT), научный сотрудник группы C-BERT.
E-mail: hans.pohl@stint.se.

Международные филиалы вузов (МФВ) часто критикуют за то, что они занимаются обучением и не занимаются наукой и, таким образом, являются не более

чем пустой копией головных вузов. Действительно, МФВ сфокусированы преимущественно на обучении, причем очень неоднородном по качеству. Отчасти это связано с тем, что, будучи очень молодыми организациями, они вынуждены в первую очередь думать об обеспечении регулярных финансовых доходов, а значит, заниматься разработкой и реализацией образовательных программ, поиском преподавателей, привлечением студентов. В целом подавляющее большинство МФВ, по-видимому, так и останется преимущественно образовательными заведениями, что характерно и для частного высшего образования.

Тем не менее сейчас, когда пошло уже третье десятилетие развития МФВ, есть данные, показывающие, что примерно треть из них начала в том или ином виде заниматься наукой, причем в некоторых уже сформировалась собственная исследовательская культура. МФВ по-прежнему очень различаются по качеству образования и научной продуктивности, но мы, опираясь на данные базы научных публикаций Scopus, все же проанализируем тенденции, которые охватывают ту треть МФВ, которая занимается наукой.

Для проведения этого анализа аналитики исследовательской группы по изучению трансграничного образования C-BERT собрали данные о научной продуктивности 250 МФВ за 1996–2016 годы. За указанный период как минимум одна научная статья вышла в 149 МФВ, а примерно в каждом третьем МФВ (N=93) вышло 10 или более статей.

Хотя, по нашим данным, первые МФВ появились почти век назад, поистине глобальным феноменом они стали лишь во второй половине 1990-х годов. В 1996 году еще не было ни одной научной публикации, подготовленной в МФВ. В 2000 году, когда в мире насчитывалось 82 МФВ, причем многие из них тогда только-только появились, их совокупная научная продуктивность за год недотягивала и до 50 статей. К 2009 году годовая научная продуктивность МФВ превысила 500 статей, а в 2016 году преодолела отметку 3500. По данным на 2016 год, совокупное количество научных публикаций, подготовленных в МФВ, почти достигло 20 тысяч.

Мировые тенденции

МФВ существуют в 82 странах. В каких-то странах есть всего по одному такому вузу, в других их десятки. Есть четыре страны, в каждой из которых минимум 10 МФВ с 10 или более научными публикациями: Китай (14 таких МФВ), Объединенные Арабские Эмираты (13), Малайзия и Катар (по 10). Впрочем, за этими цифрами кроются существенные различия между странами. Хотя Малайзия и Катар отстают от других стран в этом списке, в Малайзии и Катаре МФВ, публикующие научные статьи, составляют подавляющее большинство вузов такого типа, имеющих в этих странах. Более того, в Катаре в период с 2006 по 2016 год МФВ обеспечивали 25–40% всей научной продуктивности в стране. В Китае, где сосредоточено больше всего МФВ в мире и который занимает ведущее положение по числу вы-

пускаемых ими научных публикаций, ситуация совсем иная. МФВ в Китае выпустили за рассматриваемый период в общей сложности 5000 публикаций. Но это всего лишь 1% совокупной научной продуктивности страны. Роль МФВ становится понятнее, если посмотреть на импакт-фактор выпускаемых ими публикаций. Показатель цитируемости, взвешенный по предметной области (FWCI), для вышеупомянутых четырех стран варьировался на протяжении рассматриваемого периода, но за последнее десятилетие в среднем вырос. Причем если сравнивать этот показатель отдельно для публикаций, выпущенных сотрудниками МФВ, и для публикаций, выпущенных учеными из местных вузов, то мы заметим, что МФВ опережают местные вузы, причем зачастую существенно, однако пока не ясно, вызвано ли это собственно качеством публикаций или это побочный эффект доступности академического капитала головных университетов.

Научная продуктивность отдельных вузов

Различия между МФВ по количеству выпускаемых статей огромны. Как уже упоминалось, у двух третей МФВ насчитывается менее 10 публикаций за весь рассматриваемый двадцатилетний период. С другой стороны, каждый из пяти наиболее активных МФВ выпустил за тот же период в общей сложности более 1000 публикаций, а для трех ведущих МФВ этот показатель превышает 2500 публикаций. Вот эти пять МФВ в порядке убывания их научной продуктивности: Университет Монаша в Малайзии, Техасский университет А&М в Катаре, Ноттингемский университет в Малайзии, совместный образовательный центр Сианьского университета Цзяотун и Ливерпульского университета в Китае и Корнелльская медицинская школа имени Вайля в Катаре. Эти цифры наверняка продолжат расти, потому что десять ведущих МФВ уже выпускают более 100 научных публикаций в год каждый, причем в МФВ, входящих в топ-3, этот показатель превысил 400 публикаций еще в 2016 году.

Интернационализация науки

Один из выводов исследования в том, что МФВ могут быть успешным механизмом интернационализации науки как для принимающей страны, так и для головного вуза.

Если рассматривать ситуацию в упомянутых выше четырех странах, то в МФВ доля публикаций, выходящих в соавторстве с иностранными учеными, выше, чем в обычных местных вузах. В Катаре, например, примерно 85% статей, подготовленных в 2016 году сотрудниками МФВ, имели иностранных соавторов. В местных вузах этот показатель был незначительным, но ниже. В Китае этот показатель составляет 68% и 40% соответственно.

Если проанализировать публикации пяти наиболее активных с научной точки зрения МФВ, то можно заметить аналогичную тенденцию. Во всех пяти случаях доля публикаций, написанных в международном

МФВ в Китае выпустили за рассматриваемый период в общей сложности 5000 публикаций.

соавторстве, у МФВ была выше, чем у их головных вузов. Лидером стал Техасский университет А&М в Катаре, где этот показатель достиг 90%, тогда как в головном университете — 40%.

Анализ сетевыми методами выявил два интересных факта. Во-первых, самым распространенным типом международного соавторства стало сотрудничество между учеными из МФВ и их головных вузов, что показывает, что МФВ напрямую способствуют интернационализации науки в головных университетах. Во-вторых, пересечений между пулом внешних соавторов, привлекаемых учеными из МФВ, и пулом внешних соавторов, привлекаемых сотрудниками головных вузов, очень мало. Это означает, что МФВ сами выстраивают новые партнерства, и часто с вузами, расположенными в том же регионе.

Движение вперед

На основе имеющихся данных можно предположить, что в среде МФВ набирает обороты дифференциация, как это происходит и в секторе частного высшего образования в целом. Хотя основной задачей большинства МФВ по-прежнему является обеспечение альтернативы местному высшему образованию или удовлетворение стремительно растущего спроса на образование в конкретных регионах, некоторые из них равняются на элитные вузы и заинтересованы в создании устойчивой исследовательской культуры.

По-видимому, причин укрепления научного потенциала МФВ множество, и они наверняка различаются в зависимости от конкретного вуза и конкретной страны. Среди них — созревание академической культуры, наем более квалифицированных ученых, более качественная система учета и представления информации (например, аффилиации авторов). Требуются дальнейшие исследования, чтобы понять, чем вызван такой устойчивый рост научного потенциала в трети МФВ и почему этого не происходит в остальных МФВ. К тому же было бы хорошо понять, как научная культура МФВ влияет на их образовательную программу, на студентов и на академическую культуру в целом, особенно на вузы, мало занимающиеся наукой.

Уже видно, что некоторые МФВ способны готовить научные публикации и активно этим занимаются. Но пока не ясно, чем это объясняется: инициативностью отдельных ученых или же стратегическим видением руководства вузов.

«Китайская перезагрузка» и привлечение в США международных студентов

Рахул Чоудаха

Рахул Чоудаха — ведущий исследователь и сооснователь аналитического центра DrEducation, LLC (США).

E-mail: rahul@DrEducation.com.

В октябре 2019 года в Inside Higher Ed обсуждался вопрос о том, что «период беспрецедентного бума интереса китайцев к обучению на американских бакалаврских программах завершился, университеты наблюдают сокращение числа абитуриентов». Это идет вразрез с опубликованным в Chronicle of Higher Education в ноябре 2011 года утверждением: «Спрос китайских абитуриентов [на высшее образование в США] продолжает стремительно расти». Почему существуют два противоположных мнения и что это значит для американских университетов?

На волне увеличения числа китайских студентов

Хорошо известно, что многие университеты в разных частях США сталкиваются с демографическими изменениями, в частности с сокращением численности молодежи, заинтересованной в получении образования. В то же время снижаются объемы госфинансирования высшего образования. Сокращение бюджета и числа местных абитуриентов вынудило многие американские вузы привлекать иностранных абитуриентов как источник доходов для оплаты текущих расходов и закрытия бюджетного дефицита.

В этих обстоятельствах повышение спроса на бакалаврское образование со стороны китайских абитуриентов оказалось как нельзя кстати для выполнения планов по набору студентов и заработков за счет того, что стоимость их обучения в два-три раза превышает стоимость обучения местных студентов. Таким образом, запросы растущего китайского среднего класса на американское образование очень удачно совпали с появлением у вузов необходимости в привлечении большего числа платежеспособных абитуриентов.

В результате число китайских студентов на бакалаврских программах американских университетов за период с 2007–2008 по 2017–2018 учебный год возросло на 132 143 человека — это восьмикратный рост за 10 лет. Для сравнения: по данным Knocking at the College Door, доклада, подготовленного Западной

межштатной комиссией по делам высшего образования (WICHE), число белых выпускников школ и выпускников нелатиноамериканского происхождения сократилось за тот же период на 132 996 человек.

Вклад китайских студентов в экономику США в последние десять лет был существенным. По моим оценкам, в основу которых лег доклад ассоциации по поддержке международных студентов NAFSA Economic Value of International Students, вклад китайцев, обучающихся на программах бакалавриата в американских вузах, в экономику США вырос с 410 млн долларов в 2007–2008 учебному году до 5,3 млрд долларов в 2017–2018 учебном году.

Выигрыш вузов, бесплатно использующих государственные земли

Некоторые университеты, получившие в пользование государственные земли на безвозмездной основе (land-grant universities), выиграли от прироста числа китайских студентов больше, чем другие. Данных о количестве китайских студентов в США по отдельным вузам нет, но исследователи из Foreign Policy проанализировали статистику по визам типа F1 (студенческие визы), выданным в 2014-м — первом квартале 2015 года, и обнаружили, что среди 25 наиболее популярных у китайских студентов университетов США большинство — крупные государственные вузы, хотя есть и пара исключений, например Колумбийский университет и Бостонский университет.

Если говорить конкретнее, государственные вузы, получившие в безвозмездное пользование государственные земли, выиграли от повышения спроса на американское высшее образование среди китайцев благодаря ряду факторов, в том числе их высоким рейтингам и относительно более низкой стоимости обучения и проживания. К примеру, по результатам вышеупомянутого исследования Foreign Policy, наиболее востребованным у китайских студентов вузом стал Иллинойский университет в Урбане-Шампейне (UIUC), входящий в топ-50 лучших вузов в мире согласно рейтингу Times Higher Education. Если в 2007–2008 учебном году в этот университет поступило 96 абитуриентов из Китая, то в 2017–2018 учебном году — уже 3202.

Подобные университеты, например UIUC, даже повысили стоимость обучения для иностранцев, и при этом интерес со стороны абитуриентов из Китая не ослабевал. К примеру, стоимость очного обучения в бакалавриате UIUC для всех, кто живет за пределами штата Иллинойс, увеличилась с 22 526 долларов в год в 2007–2008 учебном году до 31 681 доллара в 2017–2018 учебном году, то есть на 41%. Расчетный доход UIUC от международных студентов вырос с 2,2 млн долларов в 2007–2008 учебном году до 101,4 млн десятью годами позже.

С учетом масштабов экономического эффекта от присутствия китайских студентов не вызывает удивления

тот факт, что в 2017 году руководство UIUC решило застраховаться на сумму 60 млн долларов на случай резкого сокращения доходов из-за снижения числа абитуриентов из Китая. Впрочем, подписание вузом договора страхования указывает на краткосрочный подход к управлению рисками и на отсутствие долгосрочного инвестиционного подхода.

Последствия «китайской перезагрузки»

В статье «Мобильность студентов из Китая и Индии», опубликованной в «Международном высшем образовании» 7 лет назад, я писал, что приток абитуриентов из Китая наверняка сократится из-за демографических изменений, образовательных реформ и «пропускной способности» вузов. При этом о ждавших нас геополитических пертурбациях и снижении темпов экономического роста мы тогда еще ничего не знали, так что я не учитывал эти факторы, когда строил свои предположения.

По-видимому, первыми под удар из-за «перезагрузки» отношений с Китаем попадут именно университеты, безвозмездно пользующиеся государственными землями. В таких университетах не только высокая стоимость обучения, но и практически нет стипендий. А ужесточение правил выдачи рабочих виз иностранным выпускникам американских вузов и усиление конкуренции со стороны европейских и азиатских стран еще сильнее затормозят привлечение международных студентов из стран, граждане которых стараются выбирать более дешевое образование, таких как Вьетнам, Индия, Непал или Нигерия.

Необходимы новые инвестиции в расширение доступа к образованию и снижение отсева

Ситуация для американских университетов осложняется тем, что они больше не могут себе позволить почитать на лаврах. Они должны снова заняться диверсификацией студенческого контингента путем активной просветительской работы и расширения видов финансовой помощи для студентов. Они должны осознать важность повышения доступности высшего образования для международных студентов и поддержания их на протяжении всего периода обучения для снижения отсева.

В последние десять лет расширение приема в вузы было связано в первую очередь с ростом спроса. Иными словами, вузы просто пассивно принимали стремительное повышение интереса со стороны китайских абитуриентов бакалаврских программ. Для поддержания тенденции роста на прежнем уровне и диверсификации студенческого контингента университеты должны стать активнее и самостоятельно выходить на международную арену. Увеличение числа международных студентов, наблюдавшееся в США на протяжении последних десяти лет, выявило еще одну

проблему: многие вузы не готовы активно взаимодействовать со своими международными студентами и оказывать им поддержку. Во многих университетах отделы по работе с иностранными студентами ориентированы в основном на оказание визовой и иммиграционной поддержки. Вузы, которые продолжают повышать стоимость обучения для иностранцев, но при этом не инвестируют в поддержку международных студентов, оказываются на скользкой дорожке, рассматривая международных студентов как дойных коров.

Некоторые университеты, получившие в пользование государственные земли на безвозмездной основе (land-grant universities), выиграли от прироста числа китайских студентов больше, чем другие.

Американское высшее образование известно своим высоким качеством и пользуется заслуженной репутацией у международных студентов. Вузы, которые озабочены только собственной прибылью и не вкладывают ресурсы в развитие кампуса и улучшение опыта, получаемого иностранными студентами, не только ставят под угрозу привлекательность США как образовательного центра, но и просто реализуют неразумную в долгосрочной перспективе стратегию повышения числа международных студентов.

В общем, «китайская перезагрузка» спровоцировала проблемы для множества университетов, и без того вынужденных бороться с сокращением финансирования и снижением притока абитуриентов. С другой стороны, эта новая ситуация дает вузам возможность пересмотреть их подход к международным студентам и начать больше вкладывать в повышение доступности образования и снижение уровня отсева.

Рекрутинг международных студентов в «посткитайском» мире

Анна Эсаки-Смит

Анна Эсаки-Смит — сооснователь и генеральный директор исследовательско-консалтингового центра *Education Rethink*.
E-mail: anna@education-rethink.com.

Как будет устроен рекрутинг международных студентов в «посткитайском» мире? Руководителям вузов, конечно, сложно это вообразить. Привлекательность международного высшего образования для китайцев была одним из основных факторов, направивших развитие международного образования в XXI веке, и это еще мягко сказано. К 2018 году число обучавшихся в зарубежных вузах китайских студентов выросло почти на 1600% по сравнению с 2000 годом и превысило 660 тысяч человек в год. И хотя они уезжают учиться в самые разные страны, подавляющее большинство выбирает США, а группы поменьше, но все равно значительные уезжают в другие англоязычные страны, такие как Великобритания, Австралия и Канада.

Однако привычка к безотказному притоку большого числа студентов из-за рубежа сделала вузы чрезмерно зависимыми от одной конкретной страны как основного источника дохода. Экономические перемены, происходившие в самой густонаселенной стране мира и обеспечившие формирование достаточно богатого среднего класса, способного позволить себе образование за рубежом, навесили на Китай ярлык «рога изобилия» — по крайней мере в глазах сотрудников многих вузов мира, отвечающих за привлечение международных студентов.

Точнее, так было до недавнего времени. Первый доклад нашего исследовательско-консалтингового центра *Education Rethink*, который подготовили мы с моим коллегой Джереми Чань, называется *Rethink China: The End of the Affair*. В нем мы анализируем давно ожидаемое замедление отъезда китайцев на учебу за границу и влияние этой новой тенденции на наиболее популярные среди китайских студентов англоязычные страны. Как мы заметили, хотя в абсолютных цифрах количество китайских студентов за рубежом продолжает увеличиваться, темпы этого роста существенно ослабли из-за старения населения, замедления экономики и повышения качества высшего образования внутри страны. Интересно, что на фоне всего этого появились расхождения в национальных стратегиях популярных у китайских студентов стран: вузы США и Великобритании по-прежнему сильно зависят от китайцев, а вот Канада и Австралия начали принимать конкретные меры по диверсификации

входящей мобильности. Мы полагаем, что из-за этих различий Великобритания и США рискуют оказаться в очень уязвимой позиции в условиях и без того насыщенного и высококонкурентного рынка.

На китайском крючке

Можно со всей уверенностью утверждать, что еще одного Китая, то есть страны, где достаточно молодежи, обладающей достаточными финансовыми ресурсами для обучения за границей, не предвидится. Конечно, лишиться такого изобильного источника студентов трудно, ведь это означает, что нужно перестать смотреть только на одну страну и направить свой взгляд в сторону многих других стран, которых вузы до этого обходили своим вниманием и на которые они раньше не тратили свои ресурсы. Это непосильная задача для вузов в отсутствие единой национальной стратегии, которая бы задавала курс.

...привычка к безотказному притоку большого числа студентов из-за рубежа сделала вузы чрезмерно зависимыми от одной конкретной страны как основного источника дохода.

К таким выводам мы пришли, изучая поведение наиболее популярных у китайских студентов стран на фоне замедления притока этих самых студентов. Если оценивать вышеупомянутые четыре англоязычные страны по наличию комплексной политики в сфере высшего образования, то наиболее скоординированный подход у Канады, а самой децентрализованной в этом плане страной оказались США. Это связано с рядом факторов: например, в Канаде вообще значительно меньше вузов, чем в США, а внедрять единый курс действий при наличии небольшой группы вузов проще, чем при наличии большой. К тому же соностроенность системы высшего образования с потребностями промышленного сектора, предоставление выпускникам права на работу в стране и натурализацию также влияют на возможность страны ловко переориентироваться и заняться диверсификацией входящих потоков студенческой мобильности, как и произошло в Канаде.

Более того, несмотря на то, что число китайских студентов, уезжающих учиться за границу, продолжает расти, хоть и медленно, это вовсе не значит, что равно пропорционально этому увеличивается количество

китайских студентов в рассматриваемых четырех странах. Китайские студенты все чаще выбирают менее дорогие, менее традиционные варианты, такие как Япония, которая не только расположена недалеко, но и к тому же считается более гостеприимной и безопасной. Вообще международные студенты в целом все больше заинтересованы в том, чтобы их инвестиции в высшее образование точно окупились, что обычно отражается в возможности устроиться после выпуска на хорошую работу. А чтобы достичь этой цели, вовсе не обязательно платить за дорогое университетское образование в какой-нибудь западной стране.

Индия и «остальной мир»

Конечно, в силу своего размера Индия — очень привлекательный рынок для основных четырех англоязычных стран. Более того, по прогнозам ООН, к 2027 году Индия обгонит Китай по численности населения. Впрочем, новым Китаем Индия не станет: средний класс в Индии гораздо менее развит, а рынок гораздо более раздроблен; молодежь с юга страны обычно проявляет интерес к естественным, техническим, инженерным и математическим наукам, а их сверстники с севера чаще делают выбор в пользу образовательных программ в области ведения бизнеса. Вузам, которые хотели бы привлечь студентов из Индии, понадобятся отдельные стратегии для различных регионов страны, и не стоит полагаться на то, что удастся придумать универсальный подход. Поэтому, даже если внимание западных вузов переключится на эту южноазиатскую страну, им потребуется немало времени, чтобы конвертировать растущий интерес в реальных студентов.

Наконец, не стоит забывать о том, что скрывается за общим названием «остальной мир», помимо Китая и Индии. Конечно, эти страны не сравнятся по масштабу с Китаем, и для них понадобятся еще более узкие стратегии, чем для Индии. Скажем, у потенциальных студентов из некоторых восточноазиатских и европейских стран могут возникнуть проблемы с перезачетом результатов обучения при смене страны, а для абитуриентов из Латинской Америки основные барьеры — это язык и высокая стоимость обучения. Большим потенциалом обладает Африка благодаря огромному количеству молодежи, но коррупция в госаппарате и нехватка финансовых ресурсов создают труднопреодолимые препятствия к привлечению студентов с этого континента.

Устойчивость в условиях политической волатильности

Так что же будет происходить с международным высшим образованием в «посткитайском» мире? Как раз когда мы задались этим вопросом, равновесие в мире высшего образования начало расшатываться на фоне геополитической неустойчивости, потому что непредсказуемость геополитических факторов может заблокировать любую, даже самую глубоко и тщательно продуманную стратегию. Перестанут ли

международные студенты (вне зависимости от страны происхождения) приезжать в Великобританию после ее выхода из ЕС или же их по-прежнему будет привлекать возможность остаться работать в стране после окончания обучения? Повлияют ли общественно-политические волнения в Гонконге на исходящую студенческую мобильность в этом государстве? Как повлияют грядущие президентские выборы в США на привлекательность страны у международных студентов? Станет ли изменение климата на фоне недавних масштабных лесных пожаров в Австралии значимым фактором для абитуриентов в процессе выбора страны?

Вкратце — да, в «посткитайском» мире основным ключом к стабильности станет диверсификация как на уровне отдельных вузов, так и на уровне национальной политики принимающей страны. Однако пока сложно утверждать, что это станет единственным ключом к стабильности, поскольку на рынке сейчас действует множество факторов. В сложившихся сейчас сложных и неоднозначных условиях с уверенностью можно утверждать только то, что студенты заинтересованы в адекватном соотношении цены и качества и хотят, чтобы их инвестиции в высшее образование точно окупились. Если мы сфокусируемся именно на такой молодежи и сделаем так, чтобы эта молодежь получила возможность реализовать свои цели, то в долгосрочной перспективе такая стратегия, безусловно, окупится, причем для всех.

Опасения китайцев по поводу учебы в США

Сяофэн Вань

*Сяофэн Вань — заместитель декана по работе приемной комиссии и по привлечению международных студентов в Амхерстском колледже (г. Амхерст, штат Массачусетс, США).
E-mail: xwan@amherst.edu.*

Один из участников встречи директоров китайских средних школ, организованной Амхерстским колледжем и Уильямс-колледжем и проходившей летом прошлого года в Шанхае, выразил сомнения относительно того, что в США по-прежнему рады студентам из Китая. Мы заверили его, что американские вузы рады всем иностранным студентам. Однако, похоже, нам не удалось его переубедить, и мы, к сожалению, понимаем источник его скептицизма.

В ходе нашей двухнедельной поездки по Китаю потенциальные абитуриенты и их родители много раз с беспокойством задавали одни и те же вопросы про обучение в США: про трудности с получением студенческих виз, постоянные перестрелки и массовые убийства, отказы в аэропортах впускать китайских студентов в страну, стремительное повышение цен на образование, задержки в выдаче разрешений на прохождение практики и непонятные изменения в процедуре выдачи виз типа H-1B. Антииммиграционная риторика администрации Трампа, разговоры о полном запрете на выдачу китайцам студенческих виз и спекуляции на тему того, что «почти все китайские студенты, приезжающие в США, шпионы», не находят понимания у людей в других частях мира.

По данным недавнего опроса 54 консультантов по поступлению в вузы из китайских средних школ, проведенного управлением по работе с международными студентами Амхерстского колледжа, 85% респондентов отмечают, что родители китайских школьников чрезвычайно озабочены непредсказуемостью политики Трампа в отношении студентов из Китая; 78% озабочены проблемой безопасности; 65% обеспокоены шаткостью возможности остаться в США работать после окончания обучения; 65% переживают из-за риска отказа в получении визы или депортации по приезде.

Альтернативы

В целом 87% опрошенных консультантов сообщили, что многие китайские школьники и их родители рассматривают планы относительно обучения в США и чаще обдумывают другие варианты. Как сказал один респондент, «наши ученики много лет планировали поступать в американские колледжи, но теперь многие рассматривают другие страны, например Великобританию, Канаду и Австралию». Для США это плохая новость.

С одной стороны, агрессивная риторика трамповской администрации отваживает потенциальных международных абитуриентов, с другой, страны — конкуренты США вкладывают дополнительные усилия в привлечение студентов из Китая, и за последние пару лет им удалось добиться существенных успехов. Только в период с 2017 по 2018 год число китайских студентов в вузах Канады выросло на 33%. Китайцы теперь составляют треть международных студентов канадских вузов, обеспечивая ежегодный приток в экономику страны 5 млрд канадских долларов (около 3,5 млрд долларов США. — *Пер.*).

UCAS, Агентство по поступлению в университеты и колледжи (британская организация, координирующая процесс поступления в британские вузы), отметило, что с 2018 года общее число заявлений от абитуриентов из Китая увеличилось на 33%, а количество зачисленных китайских студентов — на 28%. Один из респондентов нашего опроса проиллюстрировал эту тенденцию примером из собственной жизни: «Я работаю в международных школах в Китае и Швейца-

рии почти 10 лет, и за последние три недели я принял больше делегаций из британских университетов, чем за всю мою карьеру до этого».

Некоторые респонденты также отмечали повышение цен на образование в американских вузах как проблемный фактор. В условиях текущей торговой войны с США курс китайской валюты упал до уровня одиннадцатилетней давности. Это снизило доступность американского высшего образования. Стоимость обучения в вузах Канады или Великобритании для международных студентов по крайней мере на 50% ниже, чем в США. Великобритания снова ввела правило, по которому международные студенты имеют право работать в стране в течение двух лет после окончания обучения, и уже выпускники 2021 года под него подпадут. По совпадению одновременно с этим нововведением было объявлено о запуске самого масштабного в мире генетического исследовательского проекта по борьбе со смертельными заболеваниями. 78% респондентов нашего опроса положительно ответили на вопрос о том, повлияют ли изменения в британском миграционном законодательстве на китайских абитуриентов, задумывающихся о поступлении в американские вузы.

Великобритания, в отличие от своей бывшей колонии, принимает международных студентов с распростертыми объятиями. В июне 2018 года Трамп отменил принятые во время правления Обамы правила, по которым китайские студенты могли получить пятилетнюю визу, и ограничил визы для китайских студентов, изучающих робототехнику, авиастроение и высокотехнологичные производства, одним годом. Это изменение в визовой политике США связано с тем, что эти сферы обозначены Пекином в качестве приоритетных в национальном стратегическом плане «Сделано в Китае — 2025», в соответствии с которым Китай хочет стать промышленной сверхдержавой. Из-за этого китайские студенты, уже обучающиеся в американских вузах на программах, связанных с высокими технологиями, боятся уезжать на родину на каникулы, так как их могут не впустить обратно в США.

К учебе за рубежом готовится все больше китайцев

По данным одной пекинской исследовательской фирмы, занимающейся высшим образованием, в 2018 году в Китае насчитывалось более 820 международных школ, в которых училось в общей сложности более 480 тысяч школьников. Подавляющее большинство из них, если не все, уедет учиться за рубеж. Выбирая школу с международной программой, китайский школьник, по сути, навсегда перекрывает себе дорогу в китайские вузы, для поступления в которые требуется сдать единый вступительный экзамен. Лишившись возможности поступить в местные вузы, такие школьники делают ставку на зарубежное высшее образование.

В целом 87% опрошенных консультантов сообщили, что многие китайские школьники и их родители пересматривают планы относительно обучения в США и чаще обдумывают другие варианты.

Все это не проходит в США незамеченным. Кэролайн Касагранде, заместитель помощника секретаря по академическим программам Бюро по вопросам образования и культуры Госдепартамента США, опубликовала видео в официальном аккаунте американского посольства в Китае в приложении WeChat. В своем видео она утверждает следующее: «США удовлетворяют подавляющее большинство прошений о студенческих визах. Более того, количество отказов по этому типу виз в Китае последние пять лет ежегодно снижалось. Моя задача — сделать так, чтобы лучшие студенты из Китая продолжали приезжать в американские вузы». За первые две недели после публикации видео набрало 48 тысяч просмотров.

Когда мы спрашивали респондентов о том, изменится ли, по их мнению, в ближайшие годы количество китайских студентов в США, 43% респондентов ответили, что ожидают снижения, а 38% — что показатели останутся на текущем уровне. Лишь один респондент спрогнозировал повышение.

Все не так уж плохо

70% респондентов нашего опроса отметили, что, выбирая между американскими и иными вузами при прочих равных, их ученики, скорее всего, по-прежнему предпочли бы США. Это особенно верно, подчеркнул один из респондентов, в случаях абитуриентов, поступающих в элитные вузы с большим конкурсом.

А что самое привлекательное в американском высшем образовании? Респонденты перечислили следующие характеристики: мультикультурализм в американском обществе и многообразии студенческого состава; богатые академические и исследовательские ресурсы; гибкость составления и смены собственной образовательной программы; гуманитарное образование; академическая свобода; высококачественное образование и преподаватели международного класса; конкурентные преимущества американских дипломов на рынке труда; налаживание профессиональных связей. Благодаря всему этому американское высшее образование всегда пользовалось и продолжает пользоваться спросом.

.....

Глобальная конвенция ЮНЕСКО о признании свидетельств, относящихся к высшему образованию

Стаменка Увалич-Трумбич

*Стаменка Увалич-Трумбич — бывший глава отдела высшего образования ЮНЕСКО; в настоящее время — старший советник по международным вопросам Совета по аккредитации высших учебных заведений (CHEA).
E-mail: suvalictrumbic@gmail.com.*

25 ноября 2019 года собравшиеся в Париже официальные представители 193 стран — членов ЮНЕСКО утвердили Глобальную конвенцию о признании свидетельств, относящихся к высшему образованию. Нельзя недооценивать тот факт, что такой большой и многообразной группе стран удалось достичь консенсуса по такому важному и являющемуся почти везде прерогативой государства вопросу, как признание дипломов и обеспечение качества высшего образования.

Впрочем, основная ценность новой конвенции заключается в прописанных в ней базовых принципах. Акцент сделан на том, что люди имеют право, чтобы имеющиеся у них документы об образовании были должным образом рассмотрены, если они хотят продолжить обучение или работать. Проведение оценки иностранных свидетельств об образовании должно проходить в соответствии с принципами прозрачности, справедливости и недискриминационности. Компетентные органы одной страны могут отказать в признании документов только при условии, если они смогут доказать наличие существенных различий между образовательными системами государства, в котором испрашивается признание, и государства, выдавшего рассматриваемые документы.

Новые элементы представлены конвенцией 2019 года, которая гарантирует надежность, согласованность и взаимодополняющий характер механизмов обеспечения качества, квалификационных рамок и процедур признания свидетельств об образовании в целях поощрения международной мобильности. Акцент также сделан на нетрадиционных моделях обучения, результатах обучения и признании предыдущего образования. Дополнительное внимание уделено прозрачности информации и коммуникационных сетей. Предусматривается создание международной рабочей группы, состоящей из экспертов-практиков в сфере признания документов о высшем образовании

и в сфере обеспечения качества высшего образования (среди последних международные связи налажены лучше). В 1990-х годах эти две темы существовали параллельно друг другу, но сейчас понятно, что добиться успеха можно только путем укрепления доверия и уверенности в отношении качества и надежности свидетельств об образовании.

Хотя мы говорим о международной конвенции (единственном пока документе подобного рода в области высшего образования), перечисляемые в ней юридические инструменты не являются, вопреки опасениям многих, инструментами наднационального характера. В большинстве статей принятого в итоге текста подчеркивается, что реализация конвенции должна опираться на существующее национальное законодательство, причем с оговоркой: «насколько это возможно». Наличие конвенции само по себе обеспечивает долгожданную международную рамку для процесса признания документов о высшем образовании, оставляя при этом за государствами-участниками право на обжалование.

Справедливость для наиболее уязвимых

Важно, что новая конвенция учитывает потребности уязвимых групп населения, а именно беженцев и перемещенных лиц, предоставляя им возможность продолжать образование в новой стране проживания. (По данным ЮНЕСКО, в 2018 году в мире насчитывалось более 70,8 млн вынужденных переселенцев, и лишь 3% из тех, кто имел право на высшее образование, в действительности получили к нему доступ.) Для решения этой проблемы в конвенции предусмотрен конкретный инструмент — *Квалификационный паспорт ЮНЕСКО для беженцев и мигрантов, находящихся в уязвимом положении* (UQP), разработанный на основе опыта и методологии существующей инициативы Европейского квалификационного паспорта, предпринятой Норвежским агентством по обеспечению качества в образовании (NOKUT).

Первый пилотный проект по UQP был успешно проведен ЮНЕСКО в Замбии в сентябре 2019 года совместно с Замбийским агентством по признанию иностранных документов об образовании, NOKUT и Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Было отобрано и протестировано 30 потенциальных кандидатов, 12 из которых получили в итоге паспорт UQP. Этот документ не заменяет отсутствующие документы, но срок его действия составляет 5 лет, что дает его обладателям возможность адаптироваться в новых условиях.

Следующие шаги

Следующие шаги по реализации новой глобальной конвенции включают передачу всем странам-членам заверенных копий документа и начало подготовки к процессу ратификации. Конвенция вступит в силу

после сдачи в ЮНЕСКО на хранение 20-го документа о ратификации. Страны, привлекающие много международных студентов, такие как Австралия и Канада, а также многие европейские страны, наиболее активной из которых оказалась Норвегия, с энтузиазмом восприняли новую конвенцию и, вероятно, ускорят процесс ратификации. Очень благосклонно к конвенции настроены страны Азиатско-Тихоокеанского региона (в особенности Китай, Южная Корея и Япония), а также большинство африканских стран. Поскольку США вышли из состава ЮНЕСКО, то это государство, к сожалению, не будет участвовать в реализации данной конвенции.

Новая конвенция учитывает потребности уязвимых групп населения, а именно беженцев и перемещенных лиц, предоставляя им возможность продолжать образование в новой стране проживания.

На пути в светлое будущее?

Как так получилось, что новая международная конвенция была принята, несмотря на текущие перемены в сфере интернационализации высшего образования, вызванные ростом популизма и ксенофобии и снижением доверия к общественным институтам? Возможно, одна из причин — это чувство причастности. Новая конвенция ЮНЕСКО будет осуществляться непосредственно наряду с Лиссабонской конвенцией Совета Европы и ЮНЕСКО 1997 года и рядом недавно обновленных региональных конвенций (в Азиатско-Тихоокеанском регионе речь идет о Токийской конвенции 2011 года, в Африке — об Аддис-Абебской конвенции 2014 года, в Латинской Америке и странах Карибского бассейна — о Буэнос-Айресской конвенции 2019 года; они были приняты взамен старых региональных конвенций 1970-х годов). Во-вторых, страны вынуждены признать децентрализацию и дигитализацию высшего образования, а также создание новых систем аккредитации, для чего нужны единые глобальные рамки. Третья причина — постоянное усиление миграционных потоков. Согласно Докладу о международной миграции ООН, в 2017 году 258 млн людей в мире жило за пределами страны, в которой они родились, что на 49% больше, чем в 2000 году. Наконец, новая конвенция способствует реали-

зации одной из основных задач ЮНЕСКО, а именно обеспечению повсеместного признания документов о высшем образовании. Принятие этой конвенции стало завершающим этапом многолетней деятельности, которая началась с запуском программы ЮНЕСКО по проблемам высшего образования еще в 1947 году.

Хотя новая конвенция совсем не идеальна, а ее эффективность нам еще только предстоит увидеть, тот факт, что она была одобрена, не может не вселять надежду. В современном мире, где принципы мультилатерализма под угрозой, где усиливается неравенство, где страны добровольно закрывают свои границы, новая конвенция неожиданно приоткрывает дверь в светлое будущее для мобильных студентов и ученых. Успех зависит от готовности стран-участниц заниматься ее реализацией и (что, возможно, еще важнее) от готовности специалистов делиться передовыми практиками со своими международными коллегами.

Оценка и подтверждение документов беженцев

Беатрис Коленберг и Брайс Лу

Беатрис Коленберг — старший управляющий программы Gateway некоммерческой организации World Education Services (WES) в Канаде.

E-mail: bkohlenberg@wes.org.

Брайс Лу — руководитель научно-исследовательского отдела WES в США.

E-mail: bloo@wes.org.

В мире миллионы беженцев, у многих из них есть либо диплом о среднем образовании, либо школьный аттестат, с которыми они могли бы поступить в вуз. Многие вузы, профессиональные ассоциации, правительственные и иные организации Северной Америки, Европы и других регионов пытаются найти способ убрать барьеры, с которыми сталкиваются беженцы, заинтересованные в получении высшего образования или поиске работы, соответствующей имеющемуся у них диплому. Оценка и подтверждение имеющихся документов становится для беженцев, которые зачастую не имеют возможности собрать полный пакет бумаг, одной из основных проблем. В этой статье мы поговорим о том, как над решением этой проблемы работают в Канаде, США и в ЮНЕСКО.

Проблемы студентов-беженцев и беженцев с высшим образованием

Беженцам, политэмигрантам, вынужденным переселенцам (например, тем, кому пришлось сменить место

жительства из-за природных катаклизмов) по целому ряду причин часто трудно соблюсти все требования в рамках стандартной процедуры оценки документов об образовании. К примеру, у многих просто не было возможности собрать и унести с собой все нужные документы, когда им пришлось бежать. Иногда невозможно получить необходимые документы из вузов, испытывающих трудности с доступом к архивам или просто не справляющихся с подобными запросами от выпускников.

Для таких людей невозможность подтвердить свои учебные достижения становится проблемой, которую нужно решить, для того чтобы построить новую жизнь на новом месте. Без подтвержденного диплома они, как правило, не могут устроиться на подходящую работу или продолжить нужное для дальнейшей карьеры обучение. Многие беженцы увязают в работе, не соответствующей их уровню образования, умениям и опыту.

После того как в конце 2015 года началась программа массового переселения беженцев из Сирии, Канада сделала целый ряд шагов для улучшения системы признания дипломов беженцев.

Лиссабонская конвенция

Шаги, предпринимаемые североамериканскими и европейскими странами для ликвидации описываемых трудностей, с которыми сталкиваются перемещенные лица, во многом опираются на принятую в 1997 году Конвенцию о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе, также известную как Лиссабонская конвенция. Раздел 7 этой конвенции гласит, что каждая страна должна сделать все возможное «для разработки процедур, направленных на обеспечение справедливой и быстрой оценки того, отвечают ли беженцы, перемещенные лица и лица, находящиеся в положении беженцев, соответствующим требованиям, предъявляемым для доступа к высшему образованию, продолжению учебы по программам высшего образования или занятости, причем даже в тех случаях, когда квалификации, полученные в одной из сторон, не могут быть подтверждены документально».

Кроме того, Лиссабонской конвенцией предусмотрено создание сети национальных информационных центров по вопросам признания иностранного образования, известной как сеть ЕНИК–НАРИК (ENIC–NARIC). В каждой стране, ратифицировавшей эту конвенцию, должен быть единый национальный информационный центр, входящий в упомянутую сеть. Инновации, предлагаемые в последнее время в сфере оценки и признания дипломов тех, кто не обладает необходимыми официальными документами, исходят во многом именно от этих национальных информационных центров. К примеру, члены сети ЕНИК–НАРИК в Европе вместе разработали Европейский квалификационный паспорт беженца (EQPR) — альтернативную процедуру признания дипломов на основе собеседований с просителями и оценки имеющихся у них документов.

Шаги, которые предпринимает Канада

После того как в конце 2015 года началась программа массового переселения беженцев из Сирии, Канада сделала целый ряд шагов для улучшения системы признания дипломов беженцев. Канада ратифицировала Лиссабонскую конвенцию в 2018 году. Ратификация обязывает страну разработать способы оценки дипломов беженцев даже в отсутствие у них полного пакета официальных документов.

Но Канадский информационный центр по международным дипломам (CICIC), входящий в ЕНИК–НАРИК, начал вести переговоры с остальными заинтересованными сторонами на тему признания дипломов беженцев еще до того, как Канада ратифицировала Лиссабонскую конвенцию. По инициативе CICIC и при финансовой поддержке федерального правительства была реализована специальная программа, направленная на выработку адекватных канадскому контексту процедур оценки дипломов беженцев.

Одна из наиболее успешных канадских инициатив по выявлению и реализации передовых практик в сфере оценки дипломов беженцев была разработана экспертами из World Education Services (WES) — одной из ведущих организаций в области оценки документов об образовании, работающей в Канаде и США. Программа WES Gateway дает людям, которые стали беженцами в результате политических волнений, конфликтов или природных катаклизмов и которые не могут получить официальные, верифицируемые документы, возможность сдать имеющиеся бумаги об образовании на проверку.

В ходе годичного пилотного проекта эксперты WES разработали методологию оценки, основанную на анализе имеющихся у соискателей на руках документов и использовании сети рекомендательных внутри диаспоры, которые бы привлекали новых людей к участию в программе. Используя накопившийся за 45 лет существования организации опыт и базу дан-

ных, включающую личные дела и образцы документов, эксперты WES научились оценивать документы тех, у кого были хотя бы выписки об академической успеваемости, и «реконструировать» квалификацию в случаях с неполным комплектом документов. В результате 337 сирийцев получили экспертный отчет, оценивающий их образование.

Воодушевленное успехом пилотного проекта, руководство WES запустило полномасштабную программу, участвовать в которой могут не только сирийцы, но и выходцы из других стран. Программа WES Gateway была запущена в Канаде поздней осенью 2018 года и помогает иммигрантам из семи стран, где сложно получить доступ к официальным документам об образовании: Афганистан, Венесуэла, Ирак, Сирия, Турция, Украина и Эритрея. За последний год через программу прошло 452 человека. 60 из них смогли использовать полученные экспертные отчеты для поступления в канадские вузы.

Шаги, которые предпринимают США

Меры, принимаемые в США для решения рассматриваемой проблемы, более скромные. Добиться подвижек сложнее из-за того, что система высшего образования в США гораздо больше и многообразнее, а также из-за напряженного общественно-политического климата в том, что касается беженцев и иммиграции вообще. Американская ассоциация секретарей вузов и руководителей приемных комиссий (AACRAO) собрала рабочую группу из экспертов в сфере приема беженцев в американские вузы (в частности, в сфере требований к поступающим). В начале 2019 года AACRAO выпустила доклад с анализом ситуации и рекомендациями по работе с абитуриентами-беженцами в американских колледжах и университетах.

Кроме того, AACRAO объединилась с Калифорнийским университетом в Дейвисе и Американским университетом в Бейруте (Ливан) для разработки облачного хранилища образовательных и профессиональных документов беженцев. Это хранилище получило название Article 26 Backpack. (Это отсылка к статье 26 Всеобщей декларации прав человека ООН, постулирующей, что каждый человек имеет право на образование.) Документы, сохраненные в Article 26 Backpack, можно будет запросить и просмотреть из любой точки мира — например, с целью отправить их в специализированную организацию по оценке дипломов, для поступления в вуз или для приема на работу. Это пилотная программа, и пока она работает главным образом для сирийских беженцев в Ливане. Планируется расширить ее действие и использовать ее в том числе и в США.

Весь мир в поисках решения

В мире формируется консенсус по поводу того, что все мобильные люди, в том числе беженцы, должны иметь возможность получить справедливую оценку

своих документов об образовании. В ноябре 2019 года ЮНЕСКО утвердила Глобальную конвенцию о признании свидетельств, относящихся к высшему образованию, которая, подобно Лиссабонской конвенции и ряду других региональных договоров, ставит перед странами-членами задачу обеспечить справедливую систему оценки и признания иностранных документов об образовании. В новой международной конвенции также прописано, что беженцы тоже должны иметь возможность на справедливую оценку своих документов, даже в отсутствие полного пакета бумаг. На фоне этих международных событий и повышения интереса к выявлению и реализации передовых практик в сфере оценки и признания дипломов многие страны и вузы, наверное, найдут способы оценить и признать документы беженцев, как студентов, так и профессионалов с образованием, что пойдет на пользу и этим конкретным людям, и странам, где они обоживались.

Оценивая эффект мер по снижению неравенства

Джамиль Салми

*Джамиль Салми — международный эксперт по высшему образованию, почетный профессор Университета имени Диего Порталеса (Чили), научный сотрудник Центра по изучению международного высшего образования, Бостонский колледж (США).
E-mail: jsalmi@tertiaryeducation.org.*

В 2018 году при финансовой поддержке Фонда «Люмина» прошло исследование *All Around the World*, направленное на изучение мер, принимаемых властями разных стран для сокращения неравенства в области доступности высшего образования и возможностей для его успешного завершения. Исследование показало, что справедливый доступ к высшему образованию является приоритетным пунктом образовательной политики большинства стран, если не брать в расчет ряд нестабильных государств, которые еще не успели оправиться от последствий природных катаклизмов либо крупных политических кризисов.

В 2019 году в преддверии Международного дня доступности высшего образования (26 ноября) Фонд «Люмина» запустил дополнительное исследование для выявления наиболее успешных мер по сокращению неравенства. Это новое исследование также опиралось на смешанные методы анализа, включая обзор литературы по данной тематике и изучение ряда

конкретных случаев на примере нескольких стран со всех континентов: Австралии, Австрии, Вьетнама, Колумбии, ЮАР.

Международных исследований о неравенстве в высшем образовании ничтожно мало. Выбор показателей для измерения неравенства определяется наличием данных по различным социальным группам. В целом власти обычно уделяют много внимания доступности высшего образования, но не тому, сколько студентов в итоге успешно окончили обучение. Два показателя, статистику по которым чаще всего собирает большинство стран, — это гендер и социально-экономический статус.

Результаты по странам

Австралия — одна из немногих стран, в которых есть комплексная стратегия по сокращению неравенства в высшем образовании и где используется широкий спектр мер, инструментов и действий как всеобщего, так и целевого характера. В Австралии создана хорошая система сбора информации, позволяющей получить подробные данные с разбивкой по различным социальным группам. Австралии с ее системой образовательных займов с выплатами, зависящими от будущих доходов (HECS-HELP), первой удалось создать универсальную систему финансирования образования, которая была бы финансово устойчивой и при этом социально справедливой. А система институциональных грантов NEPPP стала катализатором организационных изменений в вузах, благодаря чему вузы стали уделять больше внимания вопросам справедливого доступа, больше говорить о барьерах на пути к высшему образованию и даже создавать специализированные подразделения по работе с подобными проблемами.

В Австрии доля молодежи, поступающей в вузы, одна из самых высоких в мире, что обычно объясняется отсутствием вступительных экзаменов и финансовых барьеров. Среди австрийских студентов наблюдается гендерный баланс, даже в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук. Хорошо организован сбор статистики и мониторинг ситуации с высшим образованием с разбивкой по гендеру. Наконец, австрийские вузы сумели эффективно справиться с недавним притоком беженцев.

Во Вьетнаме стремительное расширение системы высшего образования привело к увеличению числа студентов из социальных групп, которые всегда были слабо представлены в академической среде. Благодаря внедрению политики равных возможностей удалось сделать высшее образование более доступным для представителей этнических меньшинств. Вьетнам также добился хороших результатов в борьбе с гендерным неравенством. Малообеспеченные студенты, которые сталкиваются с финансовыми трудностями, получают небольшую стипендию, могут взять кредит и в некоторых случаях имеют право учиться бесплатно.

Австралия — одна из немногих стран, в которых есть комплексная стратегия по сокращению неравенства в высшем образовании и где используется широкий спектр мер, инструментов и действий как всеобщего, так и целевого характера.

В Колумбии рост числа государственных и частных университетов способствовал значительному повышению доли молодежи, поступающей в вузы, — в частности, среди представителей малообеспеченных семей и этнических меньшинств. Основным двигателем снижения неравенства на национальном уровне стал институт ICETEX — старейшее в мире государственное агентство по выдаче займов на высшее образование. Ведущие государственные университеты страны также используют различные инструменты финансовой и нематериальной помощи для сокращения неравенства. Некоторые частные университеты тоже проводят специальные программы по привлечению и удержанию студентов из уязвимых групп населения. Правительство Колумбии недавно обозначило несколько новых целевых групп политики в сфере снижения неравенства: к ним теперь также относятся жертвы насилия и вынужденные переселенцы. Власти также обозначили проблему гендерного многообразия.

После отмены апартеида географическое распределение вузов в ЮАР стало более сбалансированным, что помогло повысить доступность высшего образования для членов недостаточно представленных меньшинств, в результате чего резко увеличилось число чернокожих студентов. Дальнейшему повышению доступности высшего образования для представителей уязвимых слоев населения способствовало улучшение системы финансовой помощи студентам (грантов) и недавняя отмена платы за обучение для студентов из семей с низкими доходами. Под давлением властей университетам также пришлось заняться диверсификацией расового состава студентов, и в результате студенческий и преподавательский состав большинства университетов действительно стал многообразней. И наконец, в ЮАР расположен крупнейший открытый университет континента, предоставляющий возможность обучения для студентов, которые по каким-то причинам не могут получить доступ в обычные учреждения высшего образования.

Сходства между странами

Анализ по странам подтвердил основные выводы из исследования Фонда «Люмина» 2018 года: чтобы добиться устойчивых результатов, необходимо наличие четко согласованных стратегических целей, национального видения, инструментария и ресурсов. Также в реализации мер по снижению неравенства чрезвычайно важна последовательность. Часто на пути возникают политические помехи. Для долгосрочного улучшения доступности и повышения возможностей для успешного завершения высшего образования для представителей уязвимых групп нужно последовательно реализовывать необходимые для этого финансовые и нематериальные меры, вне зависимости от того, какая партия в данный момент находится у власти. Кроме того, как показало исследование, Австрия оказалась единственной в нашей выборке страной, где положительный эффект на реализацию и укрепление мер по сокращению неравенства оказали факторы наднационального характера (Болонский процесс и социальная повестка Европейской комиссии).

Наконец, анализ по странам подтвердил взаимосвязь между четырьмя структурными элементами, определяющими межстрановые различия в сфере высшего образования. Во-первых, чем сильнее разделение между средним и средним специальным образованием на уровне старшей школы, тем меньше вероятность поступления в вузы детей из малообеспеченных семей. Второй фактор, влияющий на уязвимые группы населения, — это уровень селективности вузов. Третий фактор — степень институциональной дифференциации национальной системы высшего образования. И последний, но не менее важный — наличие финансовой помощи для студентов из уязвимых социальных групп.

Основные наблюдения институционального уровня

Исследование пяти вышеупомянутых стран также включало в себя анализ институциональных практик и подходов к сокращению неравенства в области доступности и возможностей для успешного завершения высшего образования среди студентов из уязвимых групп. Исследование показало, что необходимо наличие у вузов четкой стратегии по этому вопросу: либо это может быть отдельный документ, либо эта тема может быть включена в существующий стратегический план институционального развития. В качестве хорошего примера можно привести Университет Вуллонгонга и Университет имени Дикина в Австралии, а также Университет Униминутто в Колумбии. Эти три вуза делают акцент на том, что справедливый доступ к высшему образованию является частью их миссии. Важным фактором успеха оказывается также наличие отдельного подразделения, занимающегося всем, что связано с доступностью высшего образования, и напрямую подчиняющегося верховному руководителю

вуза. В странах с низкими и средними доходами дополнительные ресурсы для пополнения стипендиального фонда для малоимущих студентов можно найти путем налаживания инновационных партнерств между вузами, местными властями и местным бизнесом. Кроме того, чтобы повысить доступность высшего образования, элитные государственные и частные университеты, желающие стать более инклюзивными, должны стремиться к созданию доброжелательной среды для студентов, чьи родители не имеют высшего образования и для которых институциональная среда зачастую ощущается как элитарная и неудобная.

Дальнейшие направления исследований

Законодателям, руководителям вузов и исследователям, которые заинтересованы в дальнейшем снижении неравенства в сфере высшего образования, следует хорошо запомнить некоторые выводы, полученные в результате нашего исследования. Чтобы добиться прогресса, хорошо было бы оценить эффективность используемых в разных странах инструментов и комплексов мер, опираясь на работу Гевена и Эрбо о способах финансовой поддержки (см. их статью в 99-м выпуске «Международного высшего образования»). Странам и вузам нужно создать комплексные системы сбора информации для выявления целевых групп и отслеживания их успехов в сфере высшего образования. Если говорить о гендерных различиях, то и в этой сфере нужно выявить наилучшие практики для улучшения гендерного баланса в естественно-технических, инженерных и математических вузах и на соответствующих образовательных программах, среди профессуры и высшего руководства вузов. Наконец, обязательно нужно лучше понять потребности студентов с ограниченными возможностями здоровья, обеспечить их соответствующими ресурсами и стимулировать включение вузами этого вопроса в свою повестку дня (см. статью Томпсона об инклюзии в университетах в сотом номере «Международного высшего образования»).

Обаяние бесплатного высшего образования

Джон Обри Дуглас

*Джон Обри Дуглас — старший исследователь и профессор публичной политики и образовательных наук Центра по изучению высшего образования (CSHE) при Калифорнийском университете в Беркли (США).
E-mail: douglass@berkeley.edu.*

Во всем мире плата за обучение считается серьезным барьером на пути к высшему образованию для представителей социально и экономически уязвимых слоев населения. В ЮАР студенты требовали отмены платы за обучение во всех государственных университетах, проводя масштабные и довольно разрушительные протесты. Из-за движения #FeesMustFall («Взносы должны пасть») были отменены занятия, студенты оккупировали университетские здания, требуя от правительства исполнить взятое на себя обещание сделать высшее образование бесплатным. Аналогичные протесты проходили и в Чили.

В США уровень задолженностей по кредитам на обучение достиг исторического максимума, хотя это во многом объясняется резким увеличением числа студентов в коммерческих вузах и тем, что бакалавры стали чаще влезать в долги ради обучения в магистратуре, чтобы впоследствии больше зарабатывать. Тем не менее стоимость обучения в государственных университетах и колледжах стала одной из центральных тем предвыборной кампании в преддверии президентских выборов 2020 года. Кандидаты от Демократической партии обещают в случае победы выделить беспрецедентный объем федерального финансирования на погашение долгов всех студентов — вне зависимости от их уровня дохода и не объясняя конкретно, как именно это можно оформить юридически и где они возьмут для этого деньги.

Практически ни в одной стране выступающие за бесплатное высшее образование политические движения не дают информации о том, как они планируют возместить недополученные доходы. Университеты — такие же общественные организации, как и многие другие: существенные финансовые потери приводят к различным последствиям, например к снижению числа студентов и предлагаемых курсов и увеличению соотношения числа студентов на одного преподавателя.

В обществах, где разрыв между бедными и богатыми очень большой, например в Калифорнии, Чили или ЮАР, бесплатное высшее образование оказывается своего рода субсидией для богатых. В государственных университетах в зависимости от студенческого состава бесплатное образование, по сути, является формой перераспределения благосостояния в пользу студентов из семей с высокими доходами. Далее, во многих странах с бесплатным или почти бесплатным высшим образованием, таких как Германия и Франция, поступить в государственные вузы не так-то просто — по сути, они ограничивают доступ к высококостребованному общественному благу и перераспределяют студенческие потоки в пользу профессионально-технических учебных заведений.

Так имеет ли бесплатное государственное высшее образование вообще смысл, будь то в США, в частности в Калифорнии, или где бы то ни было еще?

Калифорния

Около года назад Калифорнийский университет принял решение повысить стоимость обучения на текущий учебный год для студентов из-за пределов штата на 2,6%, при этом для местных жителей стоимость обучения осталась прежней. Калифорнийский университет по-прежнему пытается залатать дыры, появившиеся из-за сокращения государственного финансирования на фоне мирового финансового кризиса. Но почему обучение подорожало только для нерезидентов Калифорнии? Почему не объявлено аналогичное повышение для жителей штата? Одна из причин в том, что жители Калифорнии и члены местного законодательного собрания озабочены проблемой повышения долгов по кредитам на обучение. Другая в том, что даже поэтапное повышение цен воспринимается обществом плохо. Калифорнийский университет предпочитает обсуждать этот вопрос в краткосрочной перспективе путем ежегодных переговоров с местными властями, но чаще всего власти в ультимативной форме отвергают идею повышения стоимости обучения.

Как ни парадоксально, повышение стоимости обучения в Калифорнийском университете для жителей штата в ходе последнего десятилетия не привело к ухудшению доступности высшего образования для молодежи из семей с низкими доходами. Наоборот, таких студентов стало больше. Как же так получилось, что несмотря на то, что обучение вследствие сокращения государственного финансирования резко подорожало, студентов из семей с низкими доходами стало больше? Калифорнийский университет выбрал, как я это называю, «модель прогрессивного ценообразования», подняв стоимость обучения, но при этом существенно расширив варианты материальной поддержки для студентов из семей с низкими и средними доходами. Около 33% денег, взимаемых с обучающихся, перераспределяется в фонд финансовой помощи студентам. Этот подход стал впервые применяться еще в 1990-х — уже тогда власти начали сокращать инвестиции в государственное высшее образование. Роль денег, взимаемых со студентов, только росла по мере сокращения государственного финансирования в пересчете на одного обучающегося и существенного прироста в общем количестве студентов. В 2000 году в Калифорнийском университете обучалось чуть более 183 тысяч студентов, а сейчас их больше 280 тысяч. Наконец, право увеличивать стоимость обучения стала, скорее всего, решающим фактором, благодаря которому Калифорнийскому университету удалось выработать стабильную модель финансирования, увеличить численность студентов и в соответствии с потребностями жителей Калифорнии и рынка труда расширить выбор образовательных программ.

Вероятно, решение кроется именно в этой нестыковке между реальным и воспринимаемым эффектом платного образования.

Изучая новую ценовую политику

Возможно, стоило бы более четко прописать стоимость обучения для студентов из семей с низкими и средними доходами (студенты из семей с доходом ниже 80 тысяч долларов США в год вообще освобождены от платы). Но можно ли это сделать приемлемым с политической точки зрения способом?

Руководству Калифорнийского университета стоило подумать о новой модели ценовой политики, предполагающей (примерно) пять уровней оплаты в зависимости от дохода студентов и учитывающей федеральные гранты (гранты Пелла) для студентов из семей с низкими доходами, распределяемую самим университетом финансовую помощь и гранты от властей штата (тоже для студентов из семей с низкими доходами). Определить студентов, имеющих право на получение этих видов помощи, несложно.

Прозрачное ценообразование будет способствовать расширению доступа к высшему образованию для представителей неблагополучных слоев населения, которых (как и других абитуриентов) ставит в тупик запутанный действующий преискуртант (отражающий совокупную годовую стоимость обучения) и множество замысловатых процедур, которые необходимо пройти, чтобы получить материальную поддержку. Что не менее важно, прозрачное ценообразование способствовало бы изменению динамики зачастую нелепых общественных дискуссий о реальном влиянии оплаты на доступность высшего образования и на студентов.

Поскольку Калифорнийский университет перераспределяет значительную долю доходов от обучения на материальную помощь менее обеспеченным студентам, предполагается, что если речь заходит о повышении стоимости обучения, то на самом деле это затронет всего где-то половину студентов. Прямое же повышение платы для студентов из богатых семей с сохранением или даже урезанием платы для студентов из семей со средними и низкими доходами привело бы к изменению политического духа и символизма, которыми пронизана в Калифорнии общественная дискуссия о стоимости высшего образования.

Пересмотр и консолидация существующих источников финансовой помощи в сочетании с повышением платы за обучение для тех, кто может это себе позволить, не только помогли бы расширить возможности материальной помощи для действительно нуждающихся, но и способствовали бы росту прибыльности образовательных программ.

Годная модель?

Сработала ли бы подобная модель прогрессивного ценообразования в той или иной форме в других странах? Это сложный вопрос, поскольку образовательные системы разных стран очень различаются. Различаются также системы финансирования вузов и финансовой поддержки студентов, существуют

политические и культурные различия, наконец, разные страны сталкиваются с разными социально-экономическими проблемами (см. статью Де Гайардон и Бернасconi о бесплатном образовании в сотом выпуске «Международного высшего образования»).

Сработала ли бы подобная модель прогрессивного ценообразования в той или иной форме в других странах?

Простая истина заключается в том, что заметный сдвиг в сторону массового высшего образования влечет за собой новые расходы для большинства — если не для всех — стран. Раньше страны могли себе позволить бесплатное высшее образование отчасти потому, что в высшем образовании была заинтересована меньшая доля молодежи. Бесплатное высшее образование также ассоциируется с идеей высшего образования как общественного блага, но во многих странах бесплатное высшее образование себе могли позволить лишь преимущественно представители элит.

В современном мире обещать бесплатное высшее образование — это одно, а действительно обеспечить его — совсем другое. Идея бесплатного высшего образования пользуется большой популярностью у избирателей и широко эксплуатируется политиками, но при этом практически никто не говорит о том, как вузам закрыть развешивающиеся в этой связи бюджетные дыры, тем более что большинство вузов и так находится в тяжелом финансовом положении из-за усиления спроса на образование и повышения предъявляемых к ним требований. И как уже говорилось, в большинстве стран остро стоит проблема неравенства. Даже если высшее образование станет бесплатным (если это вообще возможно), это может только усугубить имущественное расслоение или по крайней мере приведет к дальнейшему перераспределению благосостояния в пользу и без того обеспеченных слоев населения.

.....

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально.

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

109028, г. Москва,
Покровский бульвар, д. 11

E-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

101

Весна
2020

